

Юлія Щербинина

ПОСОБІЕ ПО УКРОЩЕННЮ МАЛЕНЬКИХ ВРЕДИН

АГРЕСІЯ
УПРЯМСТВО
ОЗОРСТВО

Юлия Щербинина

**Пособие по укрощению
маленьких вредин. Агрессия.
Упрямство. Озорство**

«Неолит»

2013

УДК 159.9
ББК 88.8

Щербинина Ю. В.

Пособие по укрощению маленьких вредин. Агрессия.
Упрямство. Озорство / Ю. В. Щербинина — «Неолит»,
2013

ISBN 978-5-91134-768-0

О непослушании написано множество книг по психологии и педагогике. И что же? Дети всё равно продолжают изводить родителей, нервировать воспитателей, третировать сверстников. Попробуем призвать на помощь филологов, философов и писателей – и сообща противостоять маленьким врединам. Каковы наши представления о Ребёнке и Детстве? Какие книжные персонажи помогают детишкам упрямиться и проказничать? В каких литературных сюжетах отражаются основные стратегии воспитания? Как происхождение и значение слов помогают понять поведение детей и раскрывают секреты общения с ними? В предлагаемой книге вы найдёте ответы на эти вопросы, а также практические советы и действенные рекомендации. Издание адресовано самому широкому кругу читателей: мамам и папам, бабушкам и дедушкам, воспитателям и учителям; а также специалистам, занимающимся проблемами детства.

УДК 159.9
ББК 88.8

ISBN 978-5-91134-768-0

© Щербинина Ю. В., 2013

© Неолит, 2013

Содержание

Вместо предисловия	7
Глава 1. Так говорил Карлсон... Кто такие вредины?	11
Глава 2. И мальчики кровавые в глазах. Как мы управляем детьми?	26
Глава 3. Джимми забыл саблю. Как дети управляют нами?	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ю. В. Щербинина
Пособие по укрощению маленьких
вредин. Агрессия. Упрямство. Озорство

© Щербинина Ю. В., 2013

© Иллюстрации и рисунок на обложке Скотаренко А. Г., 2013

© Издательство «ФОРУМ», 2013

© Издательство «РЕДКАЯ ПТИЦА»

* * *

Любимому деду Вите от Юли-хорошули

Вместо предисловия

Эта книга принадлежит...
И сама не убежит,
Кто возьмет её без спросу,
Тот останется без носу.

Так в былые времена школьники подписывали учебники, защищая их от посягательств озорных одноклассников. Так, наверное, должна начинаться и книжка о вредных детишках, которым вечно говоришь «не лезь!», «не трогай руками!», «не бери без спросу!», а они всё равно лезут, трогают, берут.

Но раз уж вы открыли первую страницу – значит, у вас есть «спрос». Поэтому можете листать дальше. Вдруг заинтересуетесь и даже прочитаете целиком. Тут для вас найдётся кое-что интересное. Правда-правда... Психологи и педагоги уже довольно давно и дотошно исследовали периоды и причины детского непослушания, скрупулёзно описали самые вопиющие и запущенные случаи. Об этом красноречиво свидетельствует список литературы в конце книги: больше сотни источников только за последние 10 лет! Но разве от этого нам стало легче? Разве что совсем чуть-чуть.

Многие вопросы всё равно остаются без ответов, проблемы не исчезают. Родители и воспитатели по-прежнему тревожно, а порой и обречённо ожидают «часа X», когда крохотная спелёнатая куколка хищно расправит крылышки и превратится в МАЛЕНЬКОГО ВРЕДИНУ.

Что ж, придётся звать на подмогу ещё каких-то специалистов, которым небезразличны дети и проблемы выживания человечества, безопасности которого эти самые дети угрожают своим непослушанием – капризами и проказами, дерзостями и каверзами. Здесь на помощь психологам и педагогам приходят филологи и философы. Отсюда – основные темы нашей книги и вопросы, на которые мы попробуем ответить.

♦ *Что дают философские идеи и достижения словесности для понимания природы и специфики детства?*

♦ *Какими языками владеет (даже самый маленький) ребёнок и чем они отличаются от взрослого языка?*

♦ *В каких метафорических образах воплощаются наши представления о ребёнке и детстве?*

♦ *Какие персонажи помогают детишкам вредничать и не слушаться?*

♦ *В каких литературных сюжетах отражаются основные стратегии воспитания?*

♦ *Как происхождение (этимология) и значение (семантика) слов помогают понять механизмы детского поведения и глубинную, исконную сущность воспитательных приёмов и правил общения с детьми?*

♦ *Кому адресует малыши свои высказывания, реплики, фразы, когда играет один, в отсутствие сверстников и взрослых?*

Уже по вопросам вы, вероятно, поняли, что речь пойдёт преимущественно о том, что возникает в языке, фиксируется в речи, выражается в слове. Мы будем говорить преимущественно о дерзких ребятишках, юных грубиянах, маленьких нытиках, капризулях, приверединах. При этом мы не станем активно вторгаться на территорию практикующих психологов и посягать на чужие компетенции, а соберём в дружный кружок хороших писателей и пригласим к ним в компанию выдающихся филологов и философов.

Хороший писатель ведь тот же учёный, исследователь, экспериментатор. Только действует он не по научным законам, а по творческим канонам. Всякое произведение о детях и, в особенности, любая детская книжка читается и как психологическое исследование, и как философский трактат, и как культурологическое эссе, и как практическое руководство по воспитанию. Всё зависит от наших интересов, целей, потребностей.

Художественная литература точно отображает и прочно фиксирует наши представления о детях и детстве, воспитательные взгляды и оценки непослушания. Изысканная словесность – богатейший источник информации и калорийная пища для размышлений. Но не только!

Ещё литература позволяет нам... не так сильно винить себя за просчёты и издержки воспитания. Казалось бы, какая тут взаимосвязь? Однако связь есть, и вполне очевидная.

Не секрет, что у многих «продвинутых» родителей и ответственных воспитателей формируется тайный и неизживаемый комплекс вины из-за якобы «неправильного», «порочного», «непедагогичного» обращения с детьми. Здесь сталкивается множество факторов и пересекается масса причин: негативный личный опыт, завышенные ожидания, неадекватная самооценка, недоброжелательное окружение. Хватает и дельцов от психологии и педагогики, отвергающих опыт предшествующих поколений, традиции российского воспитания, а порой даже и здравый смысл. Такими псевдоспециалистами осуждается решительно всё: и свобода, и авторитарность, и лояльность, и конформизм...

В результате родители подчас буквально звереют, ощущая полнейшее бессилие перед собственными чадами. А воспитатели сходят с ума от воспитанников. «Ну что, что, что я делаю не так?!» – восклицает доведённый до ручки молодой папа, в сотый раз наблюдая истерику сынишки в магазине игрушек, или воспитательница, отчаявшаяся «построить» ребяташек в детсадовской группе.

Да ещё и окружающие подливают масла в огонь. «Ваша дочь страшно капризничает!» – жалуются в саду и на детской площадке. «Сначала рожают, а потом не воспитывают!» – обвиняют продавцы, врачи и уличные прохожие. «Разве так воспитывают детей?» – дружно язвят тёща и свекровь. «Твой-то вон как распустился!» – скорбно поджимает губы соседка...

Так вот: мы не должны считать себя всегда, везде и во всём виноватыми. Чувство вины не только несправедливо и разрушительно – оно ещё и непродуктивно, поскольку ослабляет нас и делает безвольными. Расходует жизненную энергию на внутренние негативные переживания, а не на внешние эффективные действия.

В этом плане словесное творчество, художественная литература выступают цивилизованными способами выплеска негативных эмоций, символическими средствами изживания комплексов. Точно так же, читая весёлые рассказы и драматические истории, мы... немножко успокаиваемся. Ага, понятно... Стало быть, не так всё у нас плохо! Значит, не такие уж мы никудышные воспитатели!

Поэтому первые три главы задуманы как небольшой литературно-филологический экскурс. Здесь мы будем листать много книг и немножко смотреть кино. Вспомним поимённо известных литературных вредин и призовём к ответу литературных детоненавистников. Посмотрим, в каких художественных образах и мотивах, персонажах и сюжетах воплощаются основные представления о Ребёнке, его Непослушании и Воспитании.

Остальные главы уже непосредственно посвящены основным формам детской вредности: агрессии, упрямству и озорству. Рассмотрим основные причины, механизмы и варианты их проявления у детей до десяти лет. Проанализируем типичные ошибки и просчёты в общении. Поищем действенные средства от вредности. Протопчем тропинки к взаимопониманию.

Особо поговорим о внутренней форме и исконных значениях ключевых понятий:

◆ чем примечательны сами слова *детство* и *ребёнок*?

- ◆ какие смыслы скрывают *послушание* и *наказание*?
- ◆ что таят в себе *упрямство*, *строптивость*, *привередливость*?
- ◆ кто такие *проклёныши*, *подменёныши*, *буки*?
- ◆ в чём разница между *шалуном* и *озорником*?
- ◆ почему *оскорбления* и *дразнилки* равнозначны физическим ударам?..
- ◆ как в контексте воспитания «рифмуются» *упрямство* и *прямота*, *ныть* и *унывать*, *шалить* и *шалеть*, *озорство* и *позор*, *похвала* и *похвальба*, *потеха* и *утешение*?

Уделим внимание и тому, какими *словами* выражаются наши традиционные обращения к детям; как *формулируются* запреты и распоряжения. Удивимся, как выразителен и как сложен наш язык, как он умеет управлять нашим поведением и как способен мстить за неосторожное и неосмысленное обращение с ним. Здесь подспорьем для нас будут не только художественные тексты, но также реальные случаи, истории из жизни.

Ну и, разумеется, дадим практические советы и рекомендации по укрощению маленьких вредин – иначе никак не оправдать заглавие этой книги. Хотя назвать её «пособием» – небольшое лукавство с нашей стороны, ибо пособия всё же пишутся психологами, а не филологами. Для нас же прежде всех инструкций и наставлений важнее речевые механизмы детской вредности, понимание глубинной сущности непослушания. А понимание, как известно, первый шаг к гармонии и согласию.

Дополнительные «бонусы» – тем, кому написанное покажется неубедительным либо недостаточным: более сотни самых свежих и авторитетных практических руководств по воспитанию плюс художественные тексты «must read», а также список для «внеклассного» чтения маленьким врединам.

Итак, попутного нам ветра и в путь – к победе над детским непослушанием...

Автор

P. S. По всем возникающим вопросам, за дополнительными разъяснениями, а также с отзывами и комментариями обращайтесь, пожалуйста, по адресу: vivavox@rambler.ru

Глава 1. Так говорил Карлсон... Кто такие вредины?

*Вредина-вредина –
Ключиком заведена,
В голове – кукушка,
С флюгером макушка!*

Из детского журнала «Фантошка»

*Семейство мальчиков «вынь-глаз»,
Известных в Амстердаме,
Даст представление сейчас
По мишкиной программе...*

Саша Чёрный «Цирк»

«Существуют три способа укрощать домомучительниц: их можно низводить, дразнить и разыгрывать» – так говорил лукавый толстенький человечек с пропеллером за спиной из знаменитой сказки Астрид Линдгрен. По сути, в этом шутовском изречении отражены основные проявления детской «вредности», излюбленные ребятнёй способы «нервотрёпки»: *агрессия, упрямство, озорство*. Понятно, что в ближайшем рассмотрении эти понятия гораздо сложнее и многообразнее. Но главное схвачено очень метко и точно.

Противостояние детей и взрослых – проблема не только психологическая и педагогическая, но также философская и языковая. Она не сводится к отношениям «отцов» и «детей», взаимодействию разных поколений. Здесь и несовпадение картин мира, и разница восприятия жизни, и различия в речи.

Проблема не надуманная, не притяннутая за уши учёными мужами, «неумелыми» воспитателями или «бестолковыми» родителями. Мы действительно говорим с детьми на разных языках. И это не только вопрос взаимопонимания, но и несоответствия речевых кодов, способов общения, форм коммуникации. «Свои игры и свои обычаи, своё право и своя ответственность, свой фольклор и свой язык – вот что обособляет детей в периоде „цветения и цветущей сложности“ от мира взрослых», – писал видный советский учёный Георгий Виноградов.

Разноязычие больших и маленьких – никакая не метафора, а самая что ни на есть реальная действительность. Причём ошибочно думать, будто у детей, раз они ещё необученные и неопытные, вовсе нет никакого языка. И, между прочим, нам это отлично известно! Вспомним: чего обычно требуют от дерзашего или ноющего малыша? Форсируя голос в попытке переорать маленькую сирену, мы взываем: «Не вопи! Скажи словами!»

Эта типичная наша фраза – *скажи словами* – лучшее подтверждение того, что дети *уже* говорят. Только как-то иначе, по-другому, не как нам хочется или кажется правильным. «Ребёнок начинает говорить ещё задолго до того, как произнесёт первое слово», – справедливо утверждал немецкий философ Освальд Шпенглер.

Конечно, малыш не владеет взрослым набором речевых средств, ему недоступны все словесные возможности и ресурсы. Но зато ему подвластен язык жестов и мимики (невербальный), дан язык игр («секретный»), доступен язык образов и фантазий (символический). А собственно разговор, диалог, общение в нашем привычном, устойчивом представлении

об этих понятиях – это «надстройка», «вершина» языковой системы. Ну, примерно как та тефтелька, которой Карлсон увенчал кубическую башню Малыша.

Совсем маленькие детишки активно используют несловесные средства общения.

«Вернувшись домой, Гриша начинает рассказывать маме, стенам и кровати, где он был и что видел. Говорит он не столько языком, сколько лицом и руками. Показывает он, как блестит солнце, как бегают лошади, как глядит страшная печь и как пьёт кухарка...»

(А. П. Чехов «Гриша»)

Малыш чуть постарше окунается в стихию фантазий, океан воображения, мир сказок. Эмоции и мысли, переживания и впечатления воплощаются в форме причудливых символов, вымышленных образов. Зло, страх, одиночество – кто-то чёрный и большой, прячущийся в платяном шкафу. Веселье, приключение, праздник – узоры на ковре в детской комнате. Подарок, награда, сюрприз – большая коробка, перевязанная лентами...

Есть у детей и свой, особый, тайный язык – недоступный непосвящённым взрослым. Психологи и фольклористы считают, что создание и использование секретных языков – естественная потребность шести-девятилетних. Причём если мальчики больше любят коды и шифры, то девочки предпочитают тайноречие¹.

Иногда секретный язык представляется детьми как принадлежащий животным либо сказочным существам (например, эльфам), но чаще – как исключительно «своё» средство общения, способ коммуникации со сверстниками. Ребятишки изобретают отдельные «непонятные» слова и целые предложения, многие из которых основаны на использовании дополнительных слогов, искусственной вставки (т. н. «утка»)² или произвольном комбинировании звуков.

«И вдруг Лассе говорит Улле:

– Петрушка сальдо бум-бум.

А Улле отвечает ему:

– Колифинк, колифинк.

И Боссе тоже говорит:

– Мойси дойси филибум арарат.

Мы, конечно, спросили, что это такое, и Лассе сказал, что это особый язык, который понимают только мальчики.

(Астрид Линдгрен «Мы все из Бюллербю»)

Тайноречие – своего рода защитная «наноплёнка», делающая хрупкий мир детства непроницаемым для вторжения взрослых с их цинизмом и рациональностью, назиданиями и нотациями. Кроме того, дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста ощущают себя уже достаточно «большими» и «опытными» – отсюда жгучее желание пофорсить перед малышами, вызвать восхищение и зависть. Секретный язык выполняет и чисто утилитарную функцию – скрыть шалости и проказы, авантюрные намерения и заговоры против взрослых.

Самое интересное в этом языке – его универсальность. Идея изобретения речи, непонятной непосвящённым, приходит ребятишкам разных эпох и стран, различного воспитания и социального происхождения. Прежние поколения зачитывались «Кортиком» Рыбакова и играли в штаб Тимура, изучали «Азбуку пляшущих человечков» Конан Дойля и «тутни» – язык «Юных дикарей» Сетона-Томпсона. Современная ребятня увлечённо осваивает «поросячью латынь» («свинский латинский»)³ и штудировать парселтанг (parseltongue) – «змеиный» язык Гарри Поттера.

¹ Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2011 (и др. изд.).

² Впервые наиболее полно и подробно это описано в очерке Г. С. Виноградова «Детские тайные языки» (1926).

³ Pig Latin, или backslang; на детском засекреченном – Igpay atinlay. Сегодня это самый популярный детский язык на

Наконец, маленьким свойственно и известное недовольство «большим» языком – таким «скучным», «нев्यразительным» да к тому же ещё и не способным выразить всю полноту впечатлений взрослеющего человека. Об этом также пишет Г. С. Виноградов: «Взрослые в своём языке часто не имеют слов, которые обозначали бы предметы детского повседневного обихода, понятия, связанные с детским общественным бытом, не имеют они, как кажется, и слов для выражения детских настроений, переживаний, вообще духовной жизни детей».

Нет, ничего не «кажется» – именно так и есть! Более того, имеет самое прямое отношение к детскому непослушанию.

Когда мы называем малышей «вредными», «противными», «ужасными», «несносными» – мы лишь выражаем взрослым языком то, что на детском называется совсем иначе.

Например, «веселье», «поиск», «подвиг», «чудо», «волшебство»... Ребёнок вполне искренне может не согласиться с упрёками и даже вовсе не понять наших претензий: «Ох, опять ты капризничаешь!»; «Какой злой мальчик!»; «Вот озорница!»

«Не знал Вася, что капризничать – дело совсем плохое. Ему казалось, что капризничать – дело очень интересное».

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

Если не вслух, то про себя ребёнок нас поправит: я не разбойник, а силач; не упрямец, а Робин Гуд; не проказник, а искатель приключений... А то, что мы, подделываясь под детскую речь, брезгливо или опасливо называем «какой», может оказаться драгоценной находкой и подлинным сокровищем. «Брось каку!» – означает для малыша примерно то же, что приказ... выбросить клад. Глупо? Глупо. И главное, неправильно.

В повести Владислава Крапивина «Гуси, гуси, га, га, га...» у каждого ребёнка было «оло» – свой талисман, личное сокровище. «То, что объявлено „оло“, трогать нельзя. Это как „табу“ у древних туземцев». Про него нельзя расспрашивать, его нельзя отнимать.

Или вот как вы думаете, зачем пятилетний мальчуган залезает под кровать и изводит горы писчих листов, царапая их пером? Ответ может удивить: он «без устали трудился над своим изобретением».

«А изобрёл он – что бы вы думали? – чёрный хлопок! Чтобы получить чёрный хлопок, он твёрдым-претвёрдым пером быстро чиркал по белой бумаге до тех пор, пока бумага не начинала изнашиваться. Протёртое до дыр место становилось чёрным и волокнистым. Эти чёрные волокнистые клочки Маттиас складывал в спичечный коробок. Чертовски много времени требовалось, чтобы приготовить чёрный хлопок! На один пакет понадобилось бы, наверное, целых сто лет!»

Для чего нужен «чёрный хлопок»? А это, как в известном анекдоте, «уже второй вопрос, профессор». Но на самом деле ответ лежит на поверхности: делать «чёрный хлопок» очень интересно и увлекательно. К тому же ребёнок сам это придумал и сознаёт свою придумку как сверхценность. И даже не в смысле большой значимости, а потому что она существует *вне* ценностной системы взрослых, *над* взрослыми представлениями о нужном и ненужном.

Приведённый пример из повести шведской писательницы Барбру Линдгрэн «Маттиас и его друзья» относится к 1970-м годам. А вот очень похожий эпизод из детских воспоминаний писателя Викентия Вересаева последней трети XIX века.

базе английского. Общая суть: первая буква слова переставляется в конец, и к ней добавляется «эй» (лат. «ау»). Производные русские варианты – «синий язык» («солёный», «солнечный»), «белый язык», «зелёный язык», «кирпичный язык» – строятся по принципу добавления после слога с гласной слога с этой же гласной, но постоянной согласной («с», «б», «з», «к» соответственно).

«Это была работа трудная и долгая: клался в рот кусок чёрной резины, и эту резину нужно было жевать – целый месяц! Всё время жевали, только во время еды и на ночь вынимали изо рта. Через месяц из жёсткого куска резины получалась тягучая чёрная масса. Называлось: съёмка. Ею очень удобно было стирать карандаш на уроках рисования и черчения. Но не для этого, конечно, брали мы на себя столь великий труд: стирать можно было и простой резинкой. Главное удовольствие было вот какое: из чёрного шарика можно было сделать блин величиной с пятак, загнуть и слепить края, так что получался как бы пирожок, наполненный воздухом. Когда пирожок сжимался между пальцев, он лопался, и получалось: пук! Для этого удовольствия мы и трудились целый месяц...»

Итак, две забавные сценки разделяет больше столетия, но обе они живо воспроизводят повторяющийся жизненный и устойчивый литературный сюжет: дети с увлечением совершают действия и поступки, неподвластные формальной логике, неподсудные здравому смыслу, нарушающие принятые нормы поведения. Да уже сами слова – «съёмка», «чёрный хлопок» – кажутся нам весьма странными, какими-то нелепыми. Почему? Потому что в нашей речи для них нет подходящих эквивалентов, нет соответствующих предметов, реалий.

Невозможность точного перевода с языка детской субкультуры на язык общей культуры неизбежно ведёт к ссорам, распрям, вражде. Порой нам приходится довольствоваться «подстрочником» – считывать детское поведение дословно и оценивать то, что мы видим, а не то, что происходит в действительности.

«Не вредничай, уступи малышу качели!» – строго командует няня пятилетнему карапузу, самозабвенно взмывающему ввысь.

«Да отойди ж ты, наконец! Что за вредность-то такая!» – теряет терпение мама малышки, упорно маячащей перед телеэкраном.

«Только зашли к Смирновым, так мои сразу развредничались, начали всех строить, командовать!» – сокрушённо делится с соседкой бабушка дошколят-близнецов.

Зачастую мы видим только действие, но не понимаем мотив; считываем поступок, оставляя неп прочитанным намерение. А полупонимание лишь добавляет полешки в костёр ссор и взаимных обид.

Ещё хуже, когда мы пытаемся подделывать детскую речь – притворяемся, подражаем, имитируем. «Вот бибика!» «Сделай ням-ням!» «Какая холёсяя киса!» «У Кати вава!»... Это всё равно что говорить на чужом языке с сильным акцентом. Не случайно родство слов «сюсюкать» и «шепелявить». И ничего удивительного, что ответом становятся детские насмешки, недоверие, неприязнь. Кому же нравятся подделки и фальшивки?

Но кто же всё-таки он такой, этот МАЛЕНЬКИЙ ВРЕДИНА?

Попробуем для начала поискать ответ в авторитетном взрослом источнике – толковом словаре. Открываем, читаем: *вредина* – 1) тот, кто наносит вред, вредничает; 2) употребляется как порицающее или бранное слово.

На что указывают эти значения? На то, что от вредин нет житья. Они безобразничают и пакостят, портят вещи и действуют на нервы. Однако очевидно и другое: обвинить во вредности можно кого угодно, было бы желание. Вредина – это яркий и прилипчивый ярлычок для всех, кто чем-то мешает другим.

Ещё любопытнее ситуация в английском языке. Там вредины зовутся *mean* (*She is so mean!* – *Она такая вредина!*). И слово это имеет множество переводов для обозначения совершенно разных понятий: *посредственный, плохой, слабый, подлый, нечестный, скучный, скупой, скарденый, придирчивый, недоброжелательный, трудный...* Дополнительное словосочетание с тем же общим смыслом – *malicious person* – имеет более ограниченное, но тоже крайне неточное значение: *злбный, злонамеренный*.

Точн о таком же – предельно обобщённым и универсальным – значением в детском языке обладает *дура/дурак*. Это только у взрослых оно обозначает глупого, неумного человека, а у детей «дурак» – это и тот, кто разбил чашку, и тот, кто отнял мячик, и тот, кто забыл стих, и даже тот, кто влюбился в соседку по парте. Обзывательство на все случаи жизни, поэтому самое популярное и самое любимое.

Детям от этого только хорошо, детям всё нипочём. А взрослым – «почём». Взрослые без конца сбиваются и путаются, пытаюсь подобрать точные определения словам и дать объяснения поступкам.

В многотомном «Слова ре русских народных говоров» среди слов-характеристик детей больше всего описаний поведения и особенно – плохого: непослушания, дерзости, непокорства⁴. Стало быть, уже на уровне языка заметно наше повышенное внимание к детской «вредности». Причём во вредины записывают всех кого ни попадя: шалунов, лентяев, торопыг, разинь – вообще *всех-кто-не-взрослый*... Учёные называют таких «трудными», «ненормальными», «педагогически запущенными». Называют, а потом ещё и возмущаются...

Детям ведь тоже обидно. Ещё бы! Одно дело, ты сам записался добровольцем в армию вредин, и совсем другое – если призвали насильно. Это всё равно что торжественно вручить совок и заставить стукнуть соседа по песочнице.

Стало быть, перво-наперво надо выяснить, разобраться: кого стоит отнести к вредным детям, с кем – погодить, а кого вовсе реабилитировать за отсутствием состава преступления. Подробно речь об этом пойдёт в следующих главах, но для начала сузим само понятие и выделим его устойчивые признаки.

Общими смыслами слов ведают лингвисты и филологи, а уточнением понятий – профильные специалисты, в данном случае психологи. И вот, посоветовавшись, они придумали термин (это и есть суженное общее значение) *девиантный* (от лат. *deviatio* – уклонение). В самом общем смысле девиантное поведение – значит, отклоняющееся от нормы. Его основные признаки:

- ◆ несоответствие общепринятым и официально установленным социальным нормам;
- ◆ негативное отношение, отрицательная оценка со стороны других людей;
- ◆ нанесение ущерба самой личности или окружающим людям;
- ◆ устойчивость и повторяемость (многократность или длительность);
- ◆ индивидуальное и возрастно-половое своеобразие.

Сумма этих признаков даёт следующее общее определение: *девиантное поведение* – устойчиво отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный вред обществу или самому человеку и сопровождающееся социальной дезадаптацией⁵.

Следует, однако, понимать: все девиантные дети – вредины (условно говоря), но далеко не все вредины – девиантны.

Фазиль Искандер в замечательной повести «Детский сад» высказал такое соображение: «Все нормальные дети так или иначе проходят, можно сказать, тираническую стадию развития. У одних она проявляется по отношению к животным, у других – к родителям. А у меня по отношению к товарищу. Я думаю, что настоящие, взрослые тираны – это те, кто в детстве не успел побыть хоть каким-нибудь тиранчиком».

Иначе говоря, непослушание в той или иной степени свойственно подавляющему большинству детей, тогда как девиация – существенное отклонение от нормы. С психологических позиций оно близко к патологии, а с юридических – к правонарушению⁶. К тому же большинство специалистов считают, что сам термин «девиантное поведение» применим к детям не младше пяти лет. По некоторым данным, в настоящее время это приблизительно 20 % всех дошкольников.

⁴ См. об этом: Звукова Е. Д. Специфика номинации *дитя/ребёнок* в языке диалектного типа // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 4.

⁵ Иванов В. Н. Девиантное поведение: причины и масштабы // Социально-политический журнал. 1995. № 2.

⁶ О правонарушениях, совершаемых дошкольниками и младшими школьниками, см. в главе 9.

Поэтому явно и сильно выраженную детскую вредность точнее было бы назвать предпороговым поведением – ещё не перешедшим границ нормального, но уже «на кромочке». Либо просто ещё «недотянувшим» по возрасту.

Каковы же наиболее заметные проявления детской вредности?

Основные типы маленьких вредин: агрессор, упрямец, озорник.

Дадим пока самые общие их «фотороботы», а подробно познаваться будем также в последующих главах.

1. Агрессор – задира, забияка, маленький разбойник (в переводе на детский язык – «заводила», «боец», «силач» и пр.).

Из литературных персонажей это Нильс Хольгерсон, который путешествовал с дикими гусями, Страшный Мальчик из одноимённого рассказа Аверченко, разнокалиберные драчуны и высшей пробы спорщики из рассказов Драгунского, Носова, Голявкина и многие-многие другие.

«В нём не было ни капли жалости к нищим, слепым и убогим. Он бросал в них камни и выгонял обратно на большую дорогу. Так что никто, просящий подаяния, не заходил в их деревню дважды. (...) Он протыкал острой тростинкой слепые глаза беспомощного крота, и... закидывал камнями больного проказой...»

(Оскар Уайльд «Звёздный мальчик»)

2. Упрямец – бука, придира, капризуля, нехочуха (типичные клише в детском языке: «я сам!», «ну вас всех!», «вот ещё!», «не хочу – не буду!»).

К этому типу можно отнести несносных Трилли из «Белого пуделя» Куприна и Кисю из рассказа Аверченко, Павлика из повести Воробьёва «Капризка – вождь ничевоков», Родьку из сказки Христюбовой «Топало»...

«Лежит Вася в кровати, но спать и не собирается. Хорошо в кровати, только неинтересно и обидно. Как в углу. Одна разница: в углу стоишь, а в кровати лежишь.

Вот если бы наоборот: в углу лежать, а в кровати стоять. Сказано – сделано! Встаёт Вася и радостно кричит, громко кричит.

– Спать, спать, спать, – говорит мама и укладывает Васю обратно в кровать.

Вася кричит лёжа, но уже не радостно, а обиженно».

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

3. Озорник – проказник, безобразник, сорванец (возможные детские определения: «весельчак», «кладоискатель», «путешественник», «сыщик» и др.).

Здесь можно вспомнить того же Карлсона, а также Тома Сойера или Девочку-с-котой-детям-не-разрешали-водиться. Из наших – Динку Осеевой или парнишку с говорящим именем Стобед (популярного персонажа журнала «Здоровье» 1980-х годов) и ещё множество литературных шкодниц и шалопаев.

«Больше всего на свете я люблю страшные приключения. Завтра чуть свет убегу из дома – лазить по заборам, разорять птичьи гнёзда, дразнить мальчишек, таскать за хвосты собак и кошек... Я ещё не то придумаю!..»

(Алексей Толстой «Золотой ключик, или Приключения Буратино»)

При этом важно увидеть и понять: агрессия, упрямство, озорство – не просто составляющие общего (и, как мы выяснили, очень условного) понятия «вредность», это ещё и тесно взаимосвязанные явления. Типичнейшая ситуация: ребёнок вначале проказничает, затем противится пресечению озорства, а потом огрызается в ответ на замечания и упрёки. Все ингредиенты непослушания в одном флаконе!

Случается и так, что агрессия, упрямство и озорство возникают вообще одновременно – не по принципу цепной реакции, а как единая форма поведения. Чаще всего такое происходит, когда ребёнок изначально всё знает и понимает, но ему либо хочется досадить, «делать назло», либо его охватывает злой азарт – и озорство продолжается вопреки увещаниям и упрёкам. Очень хорошо это отражено у Ивана Бунина в рассказе «Цифры».

«Ты придумал отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами в пол и при этом так звонко вскрикивать, что у нас чуть не лопались барабанные перепонки.

– Перестань, Женя, – сказала мама. В ответ на это ты – трах ногами в пол!

– Перестань же, деточка, когда мама просит, – сказала бабушка.

Но бабушки-то ты уж и совсем не боишься. Трах ногами в пол!

– Да перестань, – сказал я, досадливо морщась и пытаясь продолжать разговор.

– Сам перестань! – звонко крикнул ты мне в ответ, с дерзким блеском в глазах и, подпрыгнув, ещё сильнее ударил в пол и ещё пронзительнее крикнул в такт...»

Если же посмотреть на иллюстративные примеры, то легко заметить: едва ли не вся детская литература сплошь состоит из заправских вредин. Под стать персонажам и сюжеты: что ни книжка – сплошное «душегубство и живодёрство»⁷. Взять хоть сказки Андерсена и братьев Гримм, хоть приключенческую литературу и фантастику.

Почему? Да потому что писать про неслухов интереснее и веселее. А ещё потому, что дети узнают в этих персонажах себя и тоже веселятся. Но и мотают на ус, и кое-что соображают, и учатся на чужих ошибках. А родители – живо узнают прототипов: «Да это ж мой Славка!»; «Ну просто вылитая твоя Светка!»; «Чисто наши оболтусы!»

Литературное творчество позволяет увидеть детство глазами самого ребёнка, потому что основа детского сознания и основа творчества – образное, метафорическое представление мира. А метафора обладает огромными познавательными возможностями, описательными ресурсами и объяснительным потенциалом. Она позволяет видеть происходящее одновременно изнутри (взгляд ребёнка) и со стороны (позиция взрослого). Замечательно определил метафору писатель Юрий Олеся: «Всё похоже на всё».

«Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста».

(А. П. Чехов «Гриша»)

«Помню бревенчатые свежие стены с сучками и разводами смолистых слоёв, похожими на сказочных птиц и рыб...»

(И. С. Соколов-Микитов «Детство»)

⁷ См.: Етоев А. Душегубство и живодёрство в детской литературе. СПб.: Красный матрос, 2001.

«Метафоры понимаю я точно: упал в обморок – значит, упал, куда падают; а ведь падают – вниз; внизу – пол; под полом доктор Пфедфер проказникам дёргает зубы; и – попадают к нему».

(Андрей Белый «Котик. Летаев»)

Уподобление одних предметов другим, поиск аналогий и ассоциаций превращает художественный образ в изобразительный инструмент и объяснительный механизм, а самого писателя – в серьёзного исследователя, вдумчивого философа и практикующего педагога.

Мир агрессора похож на поле боя, разбойничье логово, пиратский корабль. **Мир упряма** смахивает на театр, в котором разыгрываются уморительные комедии, слезливые трагедии и душераздирающие драмы. **Мир озорника** предстаёт как волшебная страна, terra incognita, парк аттракционов, опасное Зазеркалье.

Примечательно, что в литературе конца XVIII – начала XIX века ещё не было слов «озорник» и «вредина» – вместо них фигурировало понятие «преступное дитя» и близкое ему французское enfant terrible («несносный ребёнок»). Литература той эпохи не ставила перед собой задачу объяснять природу детского непослушания – она служила лишь воспитательным целям, показывая разнообразные детские пороки и противоположные им общечеловеческие добродетели.

Популярными в то время авторами произведений о непослушных детях были немецкий педагог и филантроп Иоахим Кампе (основал знаменитую серию «Детская библиотека»), его французский последователь Арнольд Беркень (выпустил сборник рассказов и комедий «Друг детей»), английская писательница Мария Эджворт (сочиняла «Нравоучительные сказки»). Русские переводчики – в основном преподаватели и ученики Московского благородного пансиона – составляли на основе этих изданий сборники для душевного чтения российских ребятшек.

XIX столетие выстреливает целой обоймой книжек про озорников: Юлия Андреева «Много детей – много затей», Людмила Агафонова «Дети-малютки, их забавы и шутки», Сергей Васильев «Шалуны и шалуньи», Константин Льдов «Двенадцать проказников и десять шалунов», Пётр Невежин «Милые шалуны», Александр Панов-Верунин «Царство шалостей», Мария Ростовская «Дети», Валентин Князев и Пётр Потёмкин «Боба Сквозняков»...

Уже по заголовкам видно, что отношение писателей к маленьким врединам становится более гибким и терпимым. Авторы доискиваются до причин и мотивов непослушания, а иногда даже пытаются оправдывать поведение неслухов их благими порывами, издержками возраста, стечением обстоятельств⁸. Грозное понятие «преступное дитя» сменяется игристыми определениями «шалун», «проказник», «озорник».

С этого времени одним из классических образов русской литературы становится подвижный любознательный ребёнок, то и дело нарушающий родительские запреты и требования наставников. Но это не злостный вредина, а скорее просто баловник, большой выдумщик и искатель приключений. В том числе – и на свою голову, и на свою попу, которая частенько подвергается порке...

XX век вносит в литературу и появившийся кинематограф новые образы ребёнка и иные сюжеты, связанные с непослушанием. Очень популярным мотивом становится ирра-

⁸ См. об этом подробнее: Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003; Казакова С. А. История Шалуна в детской литературе // Славяне и Сибирь. Сохранение культурного наследия. Томск: ТГУ, 2002; Костюхина М. С. История шалуна в детской литературе // Детская литература. 1997. № 1; Шапошников В. Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М.: Московский лицей, 2000.

циональность детского поведения, изображаются разнообразные отклонения и перверсии, подчёркивается «инаковость» и «иноприродность» ребёнка. Вспомнить хотя бы такие знаменитые произведения, как «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, «Дети кукурузы» Стивена Кинга, «Осиная фабрика» Йена Бэнкса, «Вельд» и «Маленький убийца» Рэя Брэдбери, «Кук ушата Мидвича» Джона Уиндема и многие-многие другие.

Дети – неотъемлемые персонажи мистических триллеров, психологических драм и фильмов ужасов, наравне с магами, маньяками и мутантами всех мастей. Вот весьма внушительный, но далеко не полный перечень художественных кинолент, в которых так или иначе действуют дети-монстры, малолетние преступники и изуверы, ребяташки с паранормальными способностями, юные посланцы «потусторонья» или инопланетных цивилизаций, начинающие колдуны, отродья дьявола и даже – о ужас! – дрессировщики взрослых.

«Аспрал» (*Insidious*), «Белая лента» (*Das weiße Band*), «Голова-Ластик» (*Eraserhead*), «Девушка напротив» (*The Girl Next Door*), «Дело № 39» (*Case 39*), «Деннис-мучитель» (*Dennis the Menace*), «Детишки» (*The Children*), «Джошуа» (*Joshua*), «Дитя тьмы» (*Orphan*), «Дитя 666 / Наследник дьявола» (*The child*), «Добрый сынок» (*The Good Son*), «Другой» (*Godsend*), «Звонок» (*The Ring*), «Майки» (*Mikey*), «Мальчик-оборотень и волшебный автобус» (*The Horror Bus*), «Нерождённый» (*The Unborn*), «Один дома» (*Home Alone*), «Омен» (*The Omen*), «Проклятие деревни Мидвич / Деревня проклятых» (*Village of the Damned*), «Райское озеро» (*Eden Lake*), «Ребёнок Розмари» (*Rosemary's Baby*), «Сайлент хилл» (*Silent Hill*), «Тёмная вода» (*Dark Water*), «Что-то не так с Кевином» (*We Need to Talk about Kevin*), «Шестое чувство» (*The Sixth Sense*), «Шёпот» (*Whisper*), «Яма» (*The Pit*); «Чизкейк», «Юленька».

Невероятные легенды о природе детства и фантазмагорические образы ребёнка в искусстве новейшего времени имеют вполне рациональное объяснение: современные взрослые окончательно осознали невозможность адекватного отображения детства. Проблема в том, что в этом возрасте мы не можем отстранённо воспринимать и объективно оценивать свои мысли, чувства, впечатления, переживания, поступки. Не можем «застукать» самих себя за проказами и капризами. О собственном детстве мы узнаём преимущественно от родителей и воспитателей.

Недаром Райнер Мария Рильке писал о «пополудне детства невозвратном, куда заказан путь», Владимир Набоков размышлял об «отсутствии взрослых слов для детских впечатлений», а Иван Соколов-Микитов вопрошал: «Что, какая черта отделяет меня – нынешнего – от мальчика с перекрещенными пальчиками маленьких рук?»

Выдающийся французский философ Эмманюэль Левинас рассматривал путь от детства к взрослости как *самоовнешнение* человека – переход внутреннего опыта во внешний, своего рода личностное «выворачивание наизнанку». И, как следствие, невозможность вернуться к себе прежнему, бывшему, раннему. Ребёнок – это «Другой, каким я стану»⁹.

Чем старше мы становимся, тем плотнее закрывается дверь в детскую. И не столько потому, что забываются фантазии, игры, проделки, сколько потому, что меняется наша картина мира и меняются формы речи. Иначе говоря, забывается не обстановка детской комнаты, а теряются ключи от неё. Исчезают из памяти коды, пароли, шифры, «волшебные слова».

«Мало-помалу ученье, служба, житейские происшествия отдалили от меня даже воспоминание о том полусонном состоянии моей младенческой души, где игра воображения так чудно сливалась с действительностью; этот психологический процесс сделался для меня недоступным; те условия, при которых он совершался, уничтожились рассудком...»
(Владимир Одоевский «Игоша»)

⁹ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Алетейя, 1999.

Даже учёные могут лишь описать мир детства, но не могут в него проникнуть. Ну разве что на три пальца или на полплеча. Исключение составляют, опять же, талантливые писатели и кинематографисты. Владеющие сразу двумя словесными кодами, они своего рода билингвы – люди, хорошо знающие оба языка. Для них детство не столько возраст, сколько состояние души. Так, по свидетельству жены Ф. М. Достоевского, Анны Григорьевны, она «не видела человека, который бы так умел, как её муж, войти в мирозерцание детей и так их заинтересовать своею беседою».

Популярный литературный мотив и особый сюжет – возврат в детство и превращение взрослого в ребёнка. Из современных произведений вспомним, например, повести Владислава Крапивина «В ночь большого прилива» (герой возвращается в детство и переживает всё былое и несбывшееся); Льва Кузьмина «Капитан Коко и зелёное стёклышко» (любимая бабушка превращает взрослого внука в маленького мальчика, который путешествует в Страну своего детства); Льва Давыдычева «Генерал-лейтенант Самойлов возвращается в детство» (старый военный обращается мальчиком Лапой).

Интересен также роман венгерского автора Фридеша Каринти «Извините, господин учитель»: главный герой видит всё происходящее то глазами обыкновенного мальчика, то глазами ребёнка, который уже был взрослым. Назовём здесь и рассказ Ксении Драгунской «Приключения папы в школе № 3076» (мужчина вживается в образ школьника), и её же пьесу «Яблочный вор», героиня которой пытается символически «реконструировать» территорию детства на загородном участке, а герой – воображает себя озорным мальчишкой, воруя оттуда яблоки¹⁰...

Если взрослые стремятся «вернуть» и осмыслить детство с помощью воспоминаний и творчества, то дети недостаток владения взрослым языком компенсируют доступом к другим ресурсам общения и каналам коммуникации.

Заперта дверь в комнату, где собрались взрослые гости, – однако есть ключик от дверцы с нарисованным на холсте очагом. Не пускают на фильмы «16+», – но есть билет в заповедник фантазий. Математическая формула представляется сущей абракадаброй, – зато магическая Абракадабра видится ясной формулой. Приходится просить почитать бабушку, – но можно просто пообщаться с героем сказки...

«По-моему, раньше все люди были гораздо умнее. Потому что знали гораздо больше. Ну кто, например, нам с вами может сейчас сказать, какого вкуса ручка ящика письменного стола?»

(Михаил Есеновский «Пусть будет яблоко»)

«Когда ни один человек в школе не смог ответить, как кричит кенгуру, – и учительница Людмила Александровна тоже этого не знала, – и даже директор, который вообще всё на свете обо всём знает, тот тоже не смог объяснить, как кричит кенгуру, – ведь только отважный Коржиков не растерялся, и теперь вся школа умеет кричать, будто стадо перепуганных кенгуру».

(Сергей Георгиев «Коржиков»)

А ещё... Ещё существует совсем уж секретный, потайной мирок, в который вхожи даже не все дети, а лишь самые близкие друзья-подружки – обладатели индивидуальных шифров и личных паролей.

«Мы с Элли знали все чернильные кляксы на нашей парте, все царапины, все вырезанные знаки и буквы и понимали их значение. Чужому этого не объяснишь».

(Ирмгард Койн «Девочка, с которой детям не разрешали водиться»)

¹⁰ Любопытен также распространённый современный личностный тип *кидалт* (англ. kid – ребёнок + adult – взрослый) – взрослый человек, сохранивший детские черты характера, поведения, направленность увлечений. В психологии используются также термины *синдром Питера Пэна* и *puer aeternus* (лат. «вечный мальчик») – ребёнок, который не желает взрослеть; инфантильный взрослый.

Взрослый не может прочитать на заиндевевшем окне послание Деда Мороза, расшифровать тайнопись узоров на обоях, поболтать с игрушечным мишкой, сочинить биографию снеговика. А ребёнок – может. И льдинки безо всякой посторонней помощи складываются у него в слово «вечность».

Взрослый может попасть в мир ребёнка, лишь будучи наделённым магическими свойствами. Вспомним телефильм «Не покидай»: «Девочка, он сейчас не папа. Он – Король при исполнении!» Но редко кому из нас выпадает такая удача и мало кто удостоивается столь высокой чести. А ведь так хочется, так любопытно...

Попробуем воспользоваться следующим рецептом. Отправимся на любую детскую площадку или подойдём к ограде детского садика и станем наблюдать за играющими детишками. Но не как родители и уж тем более не как педагоги или психологи – просто как посторонние люди, случайные прохожие. Забудем о своих профессиях, абстрагируемся от социальных ролей, снимем бытовые маски, что ставят нас «над» ребёнком. И нам откроется масса прелюбопытных вещей!

Как и о чём дети разговаривают между собой (а иногда и с самими собой). Какие движения и перемещения в пространстве они совершают. К чему проявляют повышенное внимание. Чего опасаются и боятся. От чего приходят в неопиcуемый восторг¹¹.

¹¹ Очень интересно и доступно об этом написано в кн.: Осорина М. В. Указ. соч.

Весьма ценные сведения о детском мировосприятии можно добыть также из фантазий. В них воплощаются желания и мечты, страхи и переживания, жалобы и надежды растущего человека.

«Вечером, лёжа в постелях, мы с сестрой придумываем разговоры Марьиванны [нелюбимой няни] и послушной Кати [бывшей любимой воспитанницы этой няни]:

– Доешь червяков до конца, дорогая Катюша!

– С удовольствием, ненаглядная Марьиванна!

– Скушай маринованную лягушку, деточка!

– Я уже скушала! Положите мне ещё пюре издохлых мышей, пожалуйста!..»

(Татьяна Толстая «Любишь – не любишь»)

* * *

«Я... начал рисовать в воображении умиленные картины собственных похорон. О, это будут великолепные похороны! Под звон церковных колоколов, под рокочущие звуки органа толпа людей в трауре заполнит кладбище Верхнего Озера. Я буду лежать на ложе из цветов в стеклянном гробу, и чёрная лошадка повезёт меня в последний путь, и все вокруг меня громко зарыдают...»

(Патрик Зюскинд «Повесть о господине Зоммере»)

* * *

«...Вот приду я в булочную, возьму батон белого и полбуханки чёрного, а тут и окажется, что хлеб-то подорожал! <...»

Прибегу домой и крикну с порога:

– Сами идите доплачивайте за свой хлеб!

И расстроенный папа заспешит в булочную, сжимая в кулаке две копейки, а мама станет утешать меня, нальёт горячего чая и насыпет в чашку четыре полные ложки сахара».

(Борис Минаев «Упрямство»)

Относитесь очень внимательно к детским грёзам. Навостряйте уши, когда малыш что-то бормочет себе под нос, «сочиняет вслух» или ведёт с кем-то воображаемый диалог. Это интимный, потайной, но очень информативный путеводитель по стране детства.

Приспосабливаясь к миру больших людей, маленький человечек начинает с освоения предметов, а не слов.

*...Там ты среди животных и вещей
как равный жил, случаен и беспечен;
там самый малый миг очеловечен
и переполнен сущностью своей, –*

пишет Рильке о детстве.

Ребёнка интересуют вначале сами вещи, и только потом – обозначающие их слова. Первый предмет – человеческое тело, в том числе и тело самого малыша, которое он использует для диалога. Это жесты, мимика, взгляд, поза, походка, внешний вид. Точно так же выражения лиц, интонации речи, перемещения в пространстве других людей прочитываются ребёнком как информационные сообщения, объявления, послания.

Вторая знаковая система – это окружающие предметы, бытовые вещи. Они тоже постепенно начинают служить ребёнку средством общения, инструментом коммуникации. Очень хорошо об этом рассказывает современный философ Фёдор Гиренок.

«На детской площадке встречаю мальчика пяти лет. Разговариваю с ним. Он по секрету сообщает мне, что у него есть нож. Через секунду он действительно достаёт кухонный нож и показывает мне его. „Зачем он тебе?“ – спрашиваю я. „Чтобы защищаться от обидчиков“, – отвечает мальчик. „А родители знают про нож?“ – продолжаю я расспрашивать. „У меня есть только мама. Она знает“, – простодушничают мальчишка.

Нож мальчика является продуктом успешной социализации нового поколения России, его договора с миром. „Я принял тебя, – сказал ему мир, – только ты возьми с собой нож“»¹².

Эта история отчасти перекликается с фольклорными «садистскими стишками» про «маленького мальчика», который находит то фугас, то пулемёт, то ещё какой-то опасный предмет – и происходит страшная катастрофа. Неправильное либо неаккуратное обращение с предметами приводит к бедам, а порой и трагедиям. Поэтому взрослые не доверяют детям и всячески пытаются их укрощать и дрессировать.

О том, какими мы представляем детей и как их «перевоспитываем», рассказывается в следующей главе.

¹² Гиренок Ф. О смысле жизни // Литературная газета. 2012. 14 марта (№ 10).

Глава 2. И мальчики кровавые в глазах. Как мы управляем детьми?

Кто только придумал этих взрослых! Что они вообще себе позволяют...

Мария Парр «Вафельное сердце»

Дети иногда могут до того допечь, так бы, кажется, своими руками и задушил.

Стивен Кинг «И пришёл Бука»

О природе детства и о детско-взрослых отношениях написано немало научных работ, философских трудов и педагогических сочинений. Как известно, в разное время и у разных народов представления о ребёнке были неодинаковы, равно как и возникавшие воспитательные проблемы. Так складывался *педагогический образ* той или иной эпохи.

Долгое время дидактические вопросы вовсе игнорировались: воспитание представлялось как нечто происходящее само по себе. Но если в античности всё же считалось, что «детству следует оказывать величайшее уважение» (Ювенал), то средневековье отличалось безразличием к возрастам. Даже само слово «ребёнок» не имело тогда точного значения и употреблялось примерно как современное «парень».

Дети рассматривались наравне со взрослым, с маленьких был тот же спрос, что и с больших. Требовалось одно: подчиняться и помогать. По принципу: «не умеешь – научим, не хочешь – заставим». Не случайно, наверное, и русское слово *ребёнок* – общего происхождения со словами *работа* и *раб* (в значении «работник», «слуга»). Ребёночек – будущий работник; ребята, парубки – подрастающие помощники родителей¹³.

Представление о детстве как особом понятии и специфическом периоде жизни человека возникает только в XVII веке. А системное и всестороннее изучение истории детства началось и того позже – в середине прошлого века. Во многом – благодаря французскому философу Филиппу Арьесу, в трудах которого Ребёнок предстал многогранным феноменом и культурным открытием¹⁴.

Разнообразные и многочисленные объяснения детского непослушания можно свести к трём условным определениям ребёнка: «недочеловек», «сверхчеловек», «нечеловек».

Казалось бы, все эти представления самоочевидны, лежат на поверхности, однако до сих пор они не обобщались в целостную систему. Безусловно, все они также довольно абстрактны, искусственны, умозрительны, их легко подвергнуть критике как с содержательных, так и с этических позиций. И всё же каждое из них достойно нашего внимания, поскольку позволяет увидеть ребёнка с неожиданной стороны, в интересном ракурсе; даёт оригинальное объяснение природы детства и особенностей детского поведения.

В первом представлении – НЕДОчеловек – ребёнок видится ещё не сложившимся, не состоявшимся, ненастоящим. В нём воплощены будущие возможности, потенциальные способности. «Ребёнок – это грядущее» (афоризм Виктора Гюго). Отсюда и соответствующе-

¹³ Согласно Макс Фасмеру, история этого слова уходит ещё в античность, беря начало от древнегреч. *ορφανός* – сирота и лат. *οrbus* – осиротевший (первоначально сироты выполняли самую тяжёлую домашнюю работу). См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964-1973. Т. 3.

¹⁴ См., например: Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

щие метафорические образы: дети как строительный материал, глина для лепки; требующие наполнения сосуды; растения, которое нужно удобрять и поливать.

Чтобы стать полноценными людьми, детишкам нужно усердно учиться и слушаться старших. Непослушание – грех, порок, проявление «несовершенства». Основная задача воспитания – обратить ребёнка к порядку и усвоению общепринятых норм, наставить на путь добродетелей.

Таков, в частности, взгляд эпохи Просвещения. «Всякому знакома приторность детства, противная здравому уму; этот неприятный привкус зелёной молодости, которая насыщается лишь чувственными вещами, являя грубый набросок будущего разумного человека. Только время в силах излечить от детства и юности, во всех отношениях являющихся несовершенными возрастами», – высокомерно замечает испанский писатель и философ-моралист Бальтасар Граситана в «Благоразумном» трактате 1646 года.

Осколки этого представления мерцают и в современности, например, в устойчивом выражении «войти в жизнь». Формально оно означает «выйти из детства», но по сути – «стать полноценной личностью», «сделаться завершённым человеком». Равно как и выражение «впасть в детство» – пренебрежительный намёк на слабоумие и ущербность.

При всех очевидных недостатках описанный подход позволяет, однако, извинить многие «странности» детского поведения, объяснить некоторые мотивы непослушания и терпимее относиться к маленьким врединам. А это, согласитесь, уже не так мало!

Обратный подход – представление ребёнка как СВЕРХчеловека – наделяет его особыми качествами и специфическими свойствами, которые у взрослого либо отсутствуют, либо недостаточно развиты. Ребёнок предстаёт как существо высшего порядка, обладающее богатым воображением, большим творческим потенциалом, тонкой восприимчивостью и развитой интуицией.

Дети – провидцы и пророки, мессии и чудотворцы; их язык – божественное «перво-слово», генератор смыслов, ключ к истине. Соответствующие метафоры: ребёнок – волшебник, маг, король, богатырь... Взрослея, ребяташки «забывают» эти сверхзнания, «утрачивают» суперспособности.

Непослушание здесь – заявление о самостоятельности и исключительности ребёнка, его претензия на господство и самовластие. Детям делегировано высшее право повелевать и управлять взрослыми. Наконец, «ребёнок рождает родителей», – тонко заметил писатель Станислав Ежи Лец.

Во многих народных преданиях и волшебных сказках главным героем является ребёнок-богатырь, обладающий нечеловеческими способностями. У алхимиков Коронованный ребёнок – символ Философского камня (жизненного эликсира и концентрата мудрости).

Вот как пишет об этом К.-Г. Юнг: «Во всех мифах о ребёнке бросается в глаза один парадокс, потому что, с одной стороны, бессильный ребёнок отдан в руки могущественным врагам и ему угрожает постоянная опасность, с другой стороны, однако, он располагает силами, которые далеко превосходят человеческую меру. (...) Он персонифицирует жизненную мощь по ту сторону ограниченного объёма сознания, те пути и возможности, о которых сознание в своей односторонности ничего не ведаёт, и целостность, которая включает глубины природы»¹⁵.

Подобный взгляд отчасти присущ и романтизму. «На ладони богов я рос» – так описывает ребёнка немецкий поэт Фридрих Гёльдерлин. У английского поэта Уильяма Вордсворта ребёнок – «отец мужчины».

Переоценка возможностей и преувеличение статуса ребёнка свойственны и многим современным учёным, философам, писателям. В известной мере это своеобразный исторический реванш и компенсация прежнего невнимания к феномену детства. Так, сейчас очень модна псевдонаучная концепция «детей-индиго» – якобы новой человеческой формации, обладающей высочайшим интеллектом, необычайной чувствительностью, телепатическими способностями и пр.

В литературе и кинематографе также широко эксплуатируются образы «ребёнок-медиум» (вступающий в общение с духами), «ребёнок-контактёр» (принимаящий послания инопланетян), «ребёнок-уникум» (обладающий суперзнаниями, сверхспособностями, гиперреакциями).

Понятно, что и в этом подходе многое можно опровергнуть, но он тоже позволяет сделать кое-какие полезные выводы. Например, признать, что дети влияют на нас не меньше, чем мы на них, и что малыша нужно не только «дрессировать» – у него есть и чему поучиться.

Наконец, третья точка зрения – ребёнок как НЕчеловек – представляет его существом вообще «другой породы», жителем «потусторонья». Соответствующие метафоры: ребёнок – тайна, загадка, секрет; чужак, пришелец, иностранец, посланец других миров.

¹⁵ Юнг К. – Г. Божественный ребёнок. М.: АСТ, 1997.

Во многих преданиях и сказках детишки произрастают на деревьях, падают с неба, их находят в огороде, в лесу, в реке, на дороге, их приносят птицы и т. п.

Детство предстаёт здесь как некое параллельное пространство, иная реальность. Иногда она мыслится как безоценочно уникальная, просто отличная от обыденности, повседневности. «Где мы живём, до того как попадаем к папам и мамам, не знает никто. Может, я пришёл оттуда, где до меня никто не бывал. Я был царём. Или царицей», – размышляет Януш Корчак в книге «Как я появился на свет».

*Дети, как жители иностранные
или пришельцы с других планет,
являются в мир, где предметы странные,
вещи, которым названья нет.*

(Юрий Левитанский)

Но подчас детское «инобытие» воплощает зло, таит в себе опасность, несёт беду. «Вы принадлежите к совершенно другой расе. Отсюда ваши интересы, ваши принципы, ваше непослушание... Вы не люди, вы – дети», – настаивает герой рассказа Рэя Брэдбери «Поиграем в „Отраву“».

Подобное отношение к ребёнку непроизвольно проскальзывает и в нашей речи. «Веди себя по-человечески!»; «Будь человеком!» – восклицаем мы в порыве досады, раздражения, отчаяния.

В таком ракурсе детство подвергается дегуманизации: возникает мотив чужеродности, антикультурности, внецивилизованности ребёнка. Дидактизм и умиление сменяются тревогой и страхом.

Соответственно, и детская «вредность» расценивается как выражение своеволия и своенравности, насаждение иных (отличных от «нормы») моделей поведения. Непослушание здесь синоним непредсказуемости и нежелания ребёнка следовать общепринятым поведенческим канонам.

Этот последний подход, пожалуй, самый противоречивый и наиболее скользкий в этическом плане. Но и он даёт пищу для размышлений, позволяя увидеть в непослушании не примитивность поведения и интеллектуальную недоразвитость, но особые проявления натуры, специфические реакции, достойные пристального внимания и глубокого осмысления, а не только искоренения.

И не этот ли взгляд порождает многочисленные просторечные названия ребёнка? *Карпуз, карапет, бутуз, пупс, пузырь, лялька, лапа, мелюзга, малой, малец, малявка, крошка, кроха, птенец, клоп, сопляк, шпингалет, шкет, детка, деть, пусечка, масик, спиноргрыз...* Наконец, просто *ре*.

Какие-то из названных слов постепенно выходят из широкого употребления, сохраняясь лишь в языке писателей, а какие-то, напротив, набирают популярность в бытовой речи и т. н. «мамском языке». Однако легко заметить: немногие из них подходят для обозначения собственно Человека. Скорее – для какого-нибудь несусветного существа наподобие Чебурашки...

Здесь сделаем небольшое, но важное для нашей темы «филологическое» отступление.

В последнее время наблюдается любопытная тенденция – намеренное подражание детскому произношению и изобретение новых слов по моделям псевдодетской речи.

Возникает «мамский язык» – особый сленг, на котором общаются беременные женщины и матери маленьких детей. Его основные черты: приторное сюсюканье, пристрастие к уменьшительно-ласкательным суффиксам, обилие псевдонаучных аббревиатур.

Овуляшечка, беременюшка, пихулечки, пузожитель, запузячить, слингопапа, годовасик, няшка, эошка, ЗБ (замершая беременность), ЛЯ (левый яичник)... Кому любопытно, могут справиться о значениях этих словечек и отношении к ним учёных и неучёных¹⁶. Скажем лишь, что *монстрики* здесь вовсе не маленькие вредины, а... менструация.

Казалось бы, что плохого в такой словесной игре? И как она связана с проблемой детского непослушания? Но связь есть: в языке отражается мышление. Достаточно посетить пару интернет-форумов или «мамских» тусовок – и становится заметно, как размываются и извращаются представления о сущности материнства. Беременность преподносится как приключение или шоу, курсы подготовки к родам напоминают секту или «орден посвящённых», а само родительство мнится игрой в «дочки-матери».

Инфантилизм и сюсюканье не приближают взрослого к ребёнку. Фальшивый язык даёт неподлинный опыт. А любая фальшь и неподлинность препятствует осознанию проблем и ошибок...

Вернёмся, однако, к нашим детям. Обобщая, нетрудно увидеть: все три описанных подхода заявляют ребёнка как существо, так или иначе ОТЛИЧНОЕ от взрослого. А как мы обычно относимся к тем, кто чем-то не похож на нас? Конечно, изо всех сил сдерживаемся, пытаемся сохранять самообладание и изображать толерантность – «цивилизация», как-никак. Но раздражение нет-нет да прорывается...

В науке описан феномен *амбивалентности* – противоречивого отношения родителей к детям: сочетания любви с ненавистью, привычки с неприятием. Это опять-таки находит отражение в штампах нашей повседневной речи. К примеру, в расхожем восклицании: «Наказание ты моё!» Ребёнок – одновременно счастье и кара, радость и тягость, милость и казнь.

В уже упоминавшемся фильме «Что-то не так с Кевином»¹⁷ мальчик произносит ключевую фразу, обращённую к матери: «Если ты привык к чему-то, это вовсе не означает, что ты это любишь. Вот ты, например, ко мне привыкла».

Зачастую такое происходит абсолютно неосознанно, а если и прорывается наружу, то порождает либо комплекс вины («Я плохая мать!», «Никудышный я отец!»), либо самооправдание («С детьми так трудно!») и «переадресацию» обид («Дети сами во всём виноваты!»). Причём проявляется это отнюдь не только в общении с самими детьми, но и (как сказали бы психоаналитики) в «коллективном бессознательном» – то есть опосредованно и символически. Например, в фольклоре и художественной литературе.

¹⁶ Интересные и полемические статьи по теме: *Широков Р.* Мамский язык. Сюсечки-пусечки // Super Стиль: женский журнал. 2012. 21 февр. № 31 (1581); *Туркова К.* О пихулечках и покакусиках // Московские новости. 2012. 21 сент.; *Сосницкая О.* «Мамский» язык: от пузожителей до кесарят // <http://medportal.ru/budzdorogova/things/1507/>; *Пермякова О.* «Мамский» язык // <http://www.ugra-news.ru/node/9248>.

¹⁷ К слову, этот фильм стал победителем Лондонского кинофестиваля в 2011 году.

Так, народные предания, легенды, колыбельные, прибаутки выпускают на непослушных детишек целую армию потусторонних тварей и мифологических существ. Тут и коварная Баба-яга; и Серенький Волчок, который кусает за бочок; и Коза рогатая, идущая за малыши ребятами; и жестокий старик Бабай; и ужасный Бука, что крадёт и съедает маленьких неслухов; и совсем уж непонятное, а потому самое страшное Чудо-Юдо...

Ещё пуще усердствуют писатели и киносценаристы. Принимая облик беспощадных разбойников, жестоких мачех, хитрых гномов, злых волшебников, большие тираны и терзают маленьких, обманывают и предают, превращают в безобразных чудовищ и ссылают на край света...

Немало в литературе и просто детоненавистников. Вспомним хотя бы учителя Тинте из сказки Гофмана «Неизвестное дитя» – мизантропа и садиста, коловшего ребятшек булавкой. Или мисс Эндрю – грозную гувернантку из «Мэри Поппинс». Или «Ужасного мистера Бяка» Энди Стэнтон. Среди отечественных персонажей назовём парочку злодеев из романа Алексея Слаповского «Пропавшие в Бермудии», которых так и звали – Детогубитель и Детоненавистник.

Но это ещё не всё!

В литературном творчестве сложились три основные метафоры, обозначающие стратегии борьбы с детским непослушанием: «лечение болезни», «лишение возможностей (способностей)», «магическое перевоплощение».

Рассмотрим каждую из них более подробно и соотнесём с описанными выше детскими образами.

Так, метафора борьбы с непослушанием как «лечение болезни» опирается на представление о ребёнке как «недочеловеке»: надо избавить малыша от пороков и недостатков – и тогда он станет «настоящим», «полноценным» человеком. Это стратегия приближения к идеалу (личностному и поведенческому). Девиз взрослого: «Иди сюда, я тебя исцелю!»

Но если в реальной жизни путь взросления долг и тернист, то в литературе процесс можно ускорить с помощью волшебного средства. Например, приступ вредности у Майкла из «Мэри Поппинс» пытались лечить инжирным сиропом, а диагноз ставили с помощью градусника, на котором читалось: «Большой шалун и озорник».

В «Приключениях жёлтого чемоданчика» Софьи Прокофьевой с помощью специальных конфет доктор врачевал детишек от злости, коварства, глупости, вранья.

Аналогично – как заболевание, недуг, хворь – определяется непослушание мальчика Пети в сказочной повести Ефима Чеповецкого «Непоседа, Мякиш и Нетак». Поставлен даже диагноз: «обыкновенный капризит, да ещё с выбрыками».

Та же метафора – в основе детективно-медицинского «блокбастера» Льва Давыдычева «Руки вверх, или Враг номер один», только с обратным сюжетом: злодей Шито-Крыто с помощью препарата «балдин» хочет превратить всех ребят в двоечников и лентяев...

Второй метафорический способ борьбы с непослушанием – «лишение возможностей» – представляет ребёнка как «сверхчеловека»: нужно устранить aberrации поведения, изъять мутагенные факторы. Иначе говоря, это стратегия «дисквалификации». Девиз взрослых: «Отдай какую!» (под «какой» подразумевается всё странное, непонятное либо мешающее, несущее опасность, причиняющее вред).

Так за высокомерие и излишнюю болтливость мальчик Алёша теряет волшебное зёрнышко, подаренное Чёрной Курицей и позволявшее без труда знать все уроки. Так же за вспыльчивость и грубость у Незнайки перестаёт работать волшебная палочка, с помощью которой тот превратил малыша Листика в осла.

Наконец, третья воспитательная метафора – «магическое перевоплощение» – опирается на образ ребёнка как «нечеловека»: недостатки усугубляются до нестерпимости и происходит отлучение от человеческих благ. Девиз взрослых: «Уйди, ты не наш!» Здесь появляются мотивы изгнания и сиротства: ребёнок должен ощутить ценность «человечности»; осознать, какое это счастье – быть хорошим и послушным.

Яркие литературные иллюстрации – сказки Оскара Уайльда «Звёздный мальчик» (за высокомерие и жестокость маленький красавчик превращён в урод), Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями» (грубый и непослушный мальчишка уменьшается до размеров гнома), Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» (вредный Гога наказан собачьим лаем вместо членораздельной речи).

Здесь возможна также персонификация карательных функций: полномочия судьи и вершителя наказаний делегируются конкретному персонажу. Как дети изобретают виртуальных компаньонов по шалостям – так взрослые придумывают себе специальных помощников в борьбе за дисциплину и порядок.

Госпожа Метелица обливает смолой нерадивую девицу. Мэри Поппинс заставляет строптивого парнишку бегать вокруг садовой скамейки и воображать, будто он совершает кругосветное путешествие. У сказочника Оле Лукойе два зонтика – разноцветный

(для послушных деток) и простой чёрный (для маленьких вредин). Проще всех поступает Морозко – просто лупит посохом неслухов.

Особым рвением на этом поприще прославился Песочный человек из одноимённой сказки Э.-Т.-А. Гофмана. «Это такой злой человек, который приходит за детьми, когда они упрямятся и не хотят идти спать, он швыряет им в глаза пригоршню песка, так что они заливаются кровью и лезут на лоб, а потом кладёт ребят в мешок и относит на Луну, на прокорм своим детушкам, что сидят там в гнезде, а клювы-то у них кривые, как у сов, и они выклёвывают глаза непослушным человеческим детям».

Этакий компрачикос¹⁸ от воспитания!

Иногда маленьких злочек, юных упрямцев и начинающих озорников настигает самонаказание, как, например, в сказочной повести Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика». Своевольные дети игнорируют предупреждения владельца шоколадной фабрики Вилли Вонки и оказываются жертвами своих же ошибок и пороков. Так, мальчика, чересчур много смотревшего телевизор, растянули до трёхметровой длины и пропорций спички; из девочки, непрерывно жевавшей резинку, выдавили сок. Жадный и прожорливый мальчишка сильно похудел; избалованная девочка прокатилась по мусору проводу...

Таковы три основных литературных метода борьбы с детской вредностью. В действительности им соответствуют не менее известные и испытанные поколениями средства воспитательного воздействия:

- ◆ нравучения и нотации (не отсюда ли образное выражение «не лечи меня?»);
- ◆ наказание посредством лишения (сладостей, игрушек, подарков, развлечений);
- ◆ осмеяние и позор (поставить в угол, на горох, выпороть, закрыть в тёмной комнате и т. п.).

Более подробный разговор об этом пойдёт в следующих главах.

Возвращаясь к литературному творчеству, заметим: иногда взрослые чересчур увлекаются ритуальным «сведением счётов» – и тексты назидательно-поучительной направленности смахивают на образчики жанра «хоррор» или те же «садистские стишки».

Пожалуй, самый известный, ставший уже хрестоматийным пример – популярная в начале прошлого века книжка стихотворных рассказов «Стёпка-Растрёпка». Покуда деревенские родители по старинке стращали своих неслухов Серым Волчком и Бабайкой – горожане воспитывали шалунов и проказников на «высоких» поэтических образцах.

Вот, скажем, маленькая баловница со спичками сгорает в огне. Причём сколь детально и как выразительно...

*Горит рука, нога, коса
И на головке волоса;
Огонь проворный молодец –
Горит вся Катя наконец...
Сгорела бедная она,
Зола осталась одна...*

А несчастный мальчик Петя, всего-навсего нарушивший обещание не сосать пальцы, волею «добрého» автора лишается их вовсе. И, думаете, как? А вот так:

¹⁸ *Компрачикос* (исп. *comprachicos* – «скупщики детей») – организованные преступные сообщества в Европе XIII–XVIII вв., состоявшие преимущественно из бродяг, нищих, контрабандистов и похищавшие (либо покупавшие) детей для перепродажи бродячим циркачам, балаганщикам и т. п. Перед этим детей нередко уродовали, делая из них карликов, горбунов, калек. Слово получило широкое распространение благодаря роману Виктора Гюго «Человек, который смеётся» (1869).

*Крик-крак! Вдруг отворилась дверь,
Портной влетел, как лютый зверь;
К Петруше подбежал, и – чик!
Ему отрезал пальцы вмиг.*

Ага, не сами отвалились, нет – и тут взрослый подсобил. Стих дополняется не менее колоритной иллюстрацией: безумный тип со зверской гримасой стремительным движением оттяпывает пальчики застывшему в ужасе малышу. Жуть да и только! Андерсен отдыхает...

Между прочим, всё это «безобразия», как заверяет обложка, «дозволено цензурой 9 марта 1901 года». И за следующие пятнадцать лет книга выдержала более десяти переизданий. А у нас сейчас хотят запретить мультик «Ну, погоди» – там, мол, насилие над животными и волк курит папиросы...

Этот шедевр назидательной лирики – переложение не менее популярного в середине XIX века сочинения врача-психиатра Генриха Гофмана-Доннера, написанного специально для четырёхлетнего сына Карла. Немцы даже марки выпускали с изображениями гофмановских персонажей. Кстати, подстрочник будет даже посильнее русского варианта. Сравним:

*И вдруг так больно! Огонь касается платья,
Горит фартучек; и светит ярко.
Горит рука, горят волосы,
Горит весь ребёнок.*

*Сгорело всё целиком,
Бедный ребёнок с кожей и волосами;
Лишь кучка пепла лежит одиноко
И пара туфелек, таких красивых.*

Книжка вышла под заголовком «Забавные рассказы и смешные картинки для детей от 3 до 6 лет», но при переиздании этот симпатичный заголовочек заменили на более нейтральный «Struwelpeter», который затем переключался в русский перевод. А мы сейчас спорим, нужна ли возрастная маркировка товаров...

В России «Стёпка-Растрёпка» приобрёл кучу братцев и сестричек – получился целый детсад: «Ваня-сладкоежка», «Ванюша-простак», «Девочка-шалунья» (издательство И. Сытина); «Андрей-ротозей и пять затей его друзей» (изд. М. Вольфа), «Петашка-замарашка» (изд. Ф. Битепажа), «Клим-разиня» (изд. А. Борисовича), «Иван-ротозей» (изд. А. Суворина), «Про Гошу – долгие руки» (изд. «Польза»). А книга Александра Панова-Верунина «Царство шалостей» даже имело подзаголовок: «Стёпки-Растрёпки родные братья: весёлые рассказы для детей».

Не меньшую популярность в Германии, а потом и в России снискали стихотворные повести Вильгельма Буша, являвшие странную смесь дидактизма и цинизма, выраженной назидательности и плохо скрываемого злорадства. Та к, братцы-проказники Франц и Фриц попадают на воровстве – и крестьянин перемалывает их юные косточки на мельнице. Малыш по имени Петер катается на льду реки, проваливается и замерзает; находчивые родители ставят его оттаивать в печке, но тщетно: «Превратился мальчик в кашу – мы кончаем сказку нашу»...

Кровожадными нравочениями для малых деток прославился и британский автор Хилэр Беллок: его «Назидательные истории для детей» (1907) – достойные конкуренты гофмановских страшилок. Не менее показательны и названия: «О Ребекке, которая для забавы

хлопала дверьми и трагически погибла»; «О Матильде, которая говорила неправду и была сожжена»¹⁹...

*«Девчонка снова нас дурачит!» –
Твердил собравшийся народ.
И к возвращенью тётки – от
Матильды и всего жилища
Осталось только пепелище.*

Любопытный штрих: когда Беллока однажды спросили, почему он так много пишет, поэт ответил: «Потому что мои дети вечно канючили икру и жемчуга». В этом ироническом ответе – тоже амбивалентность детско-взрослых взаимоотношений: кто главнее? кто кем управляет? чья возьмёт?..

Традицию «перевоспитания» средствами чёрного юмора перенимает Даниил Хармс, которому принадлежит эпатажное изречение: «Дети – гадость!» Ему же принадлежат и такие сентенции: «О детях я точно знаю, что их не надо пеленать. Их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей». Или более лаконично: «Травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!»

Так говорил Хармс. Куда уж там Карлсону! А ведь Хармса, между прочим, те же дети (только постарше) в школе проходят... Подобными же словесными упражнениями развлекались «обэриуты» Александр Введенский, Игорь Бахтерев. Да что «обэриуты», даже признанный классик Осип Мандельштам – и тот, как уверяют нас филологи, не брезговал «страшилками» про детей! Скажем, ходившие в списках и обнародованные лишь в 1990-е годы стихи содержат, в частности, такие строки:

*Ходит Вермель, тяжело дыша,
Ищет нежного зародыша.
Хорошо на книгу ложится
Человеческая кожа...²⁰*

В конце 1980-х годов эстафету Хармса и «обэриутов» подхватило литературное объединение «Чёрная курица». Как и подобает всякому творческому союзу, оно заявило о себе манифестом²¹, в котором, в частности, говорилось о «мрачноватых закоулках непредсказуемой повседневности» и о недоверии к расхожему мнению о «ранимой детской души». Так к юному читателю пришли «неформатные» произведения Льва Яковлева, Юрия Нечипоренко, Бориса Минаева, Александра Дорофеева, Сергея Седова, Марины Москвиной, Тима Собакина, Андрея Усачёва и др.

Подспудный (или, как сказали бы философы, архетипический) страх угрозы, исходящей от взрослых, воплощается и в фольклоре. Как вам, к примеру, такая колыбельная, записанная два века назад в Елецком уезде Орловской губернии?

*Баю, баю, моё дитяtko,
Баю, моё первоученко,
А мне, младой, недокученко!*

¹⁹ Недавно эти истории вышли под одной обложкой на русском языке: Беллок Х. Книга зверей для несносных детей / Пер. М. Бородицкая, Г. Кружков. М.: Красный пароход, 2012.

²⁰ В кн.: Мандельштам О. Извозчик и Дант. М., 1991.

²¹ Опубликовано в журнале «Пионер» (1990. № 4). В 2010 году российским издательством «Арт Хаус медиа» выпущена серия книг авторов – участников литобъединения «Чёрная курица» под названием «Для взрослых и детей».

*Умри, умри, моё дитяtko,
Умри, умри, моё милое,
Опротай мою годову,
Ты пусти гулять молоду!*²²

В современном городском фольклоре имеется две основные разновидности анекдота о непослушных детях – жанр «Замечание ребёнку» и истории «про Вовочку»²³. Первый представлен, например, такими образчиками: *Дети, не раскачивайтесь на папе, он не для этого повесился*. Или: *Сынок, не грызи ногти у папы и вообще отойди от трупа*. Вот, мол, глядите, люди добрые, до чего доводят гадкие детишки бедных родителей.

Примерно с конца 1960-х годов формируется образ «домашнего» озорника Вовочки, который становится героем когда весёлых, а когда и жутковатых пародий на традиционные запреты родителей и советы воспитателей. Правда, Вовочка не совсем уже малыш, а чаще всего школьник. Да и если всмотреться повнимательнее в этого персонажа, можно заметить, что это не типичный «маленький вредина», а вообще антикультурный герой – намеренно попирающий законы нравственности, правила гигиены, нормы поведения. И собственно детского в нём не больше, чем в кукле Барби²⁴, разве что уменьшительно-ласкательный суффикс имени.

Наконец, очень показателен такой жанр детского фольклора, как уже упомянутые в предыдущей главе «садистские стишки», только с обратным сюжетом – когда жертвой становится не взрослый, а сам непослушный ребёнок.

*Маленький мальчик на вишню залез,
Дедушка Петя достал свой обрез.
Выстрел раздался, мальчик упал.
«Сорок девятый», – старик прошептал.*

* * *

*Вазу случайно малышка разбила,
Мама её не ругала, не била.
Лишь подняла баловницу за ножки
И помахала ей вслед из окошка.*

Если хорошенько вдуматься, «откуда ноги растут», можно заподозрить в подобных виршах несомненное авторство взрослых. Так что не всё Карлсонам над дурными нянями измышляться. Взрослые «низводят, дразнят и разыгрывают» крошек ничуть не менее жестоко и изобретательно, пусть в фольклорных образах и литературных сюжетах. Карлсон был куда как милосерднее...

²² «Не пора ли домой ко двору...» // Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. VII. СПб., 1902.

²³ См. подробнее: *Борисов С. Б.* Из истории литературного «чёрного юмора» (XIX – XX вв.) // Литература. Культура. Эстетика. Вып. 1. Шадринск, 2003; *Новицкая М. Ю.* Формы иронической поэзии в современной детской фольклорной традиции // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. Таллинн, 1992.

²⁴ Подробнее см. в главе 9.

Большим в «войнушке» с маленькими главное – не заиграться. И помнить о том, что Бука не только ужасен, но и неразборчив – вполне может слопать нас самих, как в знаменитом рассказе Стивена Кинга. Ведь «все мы родом из детства»...

Итак, приведённые художественные примеры транслируют глубинные и притом взаимные страхи, перекрёстные угрозы, исходящие от детей и от взрослых. Это культурный артефакт и психологический феномен. Но, понятно, не норма и не эталон взаимоотношений. А ведь мы не назвали «четвёртый элемент» системы представлений о детях: ребёнок как **ИДЕАЛЬНЫЙ человек**.

«Некому, кроме ребёнка, передавать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому, кроме ребёнка. И потому дитя – владыка человечества, ибо в жизни всегда господствует грядущая, ожидаемая, ещё не рождённая чистая мысль, трепет которой мы чувствуем в груди, сила которой заставляет кипеть нашу жизнь», – писал Андрей Платонов в программной статье «Душа мира».

Гигантское дитя в океане Соляриса, младенец в финале «Космической Одиссеи» Стенли Кубрика, Маленький Принц Экзюпери, дети Крапивина... По отношению к ним у взрослых нет воспитательной стратегии, точнее, стратегия одна: «не трогать». Будучи литературными персонажами, такие дети исчезают в Вечности, а если вдруг рождаются в реальности – тоже исчезают, когда... становятся взрослыми.

Послушный ребёнок может вырасти в невыносимого взрослого, равно как маленький вредина способен превратиться в большого добряка. Но как бы ни складывались частные судьбы, общение больших и маленьких – это всегда движение навстречу, путь друг к другу. Хотя бы потому, что заветное желание ребёнка – поскорее вырасти, а тайная мечта взрослого – вернуться в детство.

Поэтому пробуем превозмочь взаимные страхи и если не полностью устранить «языковой барьер» (что вряд ли вообще возможно), то по крайней мере сделать его менее высоким и без колючей проволоки. Для начала – попытаемся понять пусковые механизмы детской вредности и особенности речи маленьких вредин. Об этом – следующая глава нашей книги.

Глава 3. Джимми забыл саблю. Как дети управляют нами?

Нам должны всё позволить. Я не хочу уважать лодителей, это унижительно!.. И не буду слушаться сталиших, и у меня самого могут лодиться дети...

Надежда Тэффи «Переоценка ценностей»

*Всем не напакостишь. Пакостить надо с умом.
Константин Сергиенко «Картонное сердце»*

Вас не удивляет странный, но очевидный парадокс: вредность в отношении сверстников осуждается в детской субкультуре, в жанрах детского фольклора, в повседневном общении детей, но при этом вредничать со взрослыми – едва ли не святой долг всякого ребёнка? Детям «по определению» положено быть непослушными. Как шутливо, но весьма точно подметил американский писатель Ральф Эмерсон, «если ребёнок вдруг стал послушным, мать пугается не на шутку: уж не помирать ли он собрался».

Давайте разберёмся в этих хитросплетениях и противоречиях.

С одной стороны, маленьких вредин дразнят, подкалывают, придумывают им обидные прозвища. Словом, выставляют в жалком, смешном, нелепом виде.

*Вредный, вредный,
За версту заметный!
Противная зануда
С головой верблюда!*

Строптивых не принимают в игры. Над воображалами смеются и подшучивают. Капризуль называют «неженками», «плаксами», «маменькиными сынками». К оголтелым озорникам относятся с недоверием и опаской. И мало кто хочет водиться с драчунами.

С другой же стороны, детский поведенческий кодекс (основные положения которого сформулированы тем же Карлсоном) совершенно иначе прочитывается применительно к взрослым, чуть ли не предписывая воевать с родителями, подтрунивать над бабушками-дедушками, изводить воспитателей, третировать учителей. Маленькие объявляют большим негласную войну, ставят ультиматумы, объявляют забастовки, саботируют требования. Эта «перекодировка» тем заметнее, чем больше возрастная разница.

Отсюда и популярный литературный сюжет – переворачивание ролей и переадресация функций: дети начинают править взрослыми или «перевоспитывать» их на свой лад.

Вспомним, например, рассказ Виктора Драгунского «...Бы» – про мальчика, который фантазировал, «как хорошо было бы, если бы всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные и взрослые должны были бы их во всём, во всём слушаться». Дальше юный герой увлечённо описывает, как станет «дрессировать» родителей и бабушку. При этом уморительно использует интонации и клише взрослой речи.

«Что и говорить, я всё бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал: „Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! – И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: – Быстрее! Не держи

за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!“»

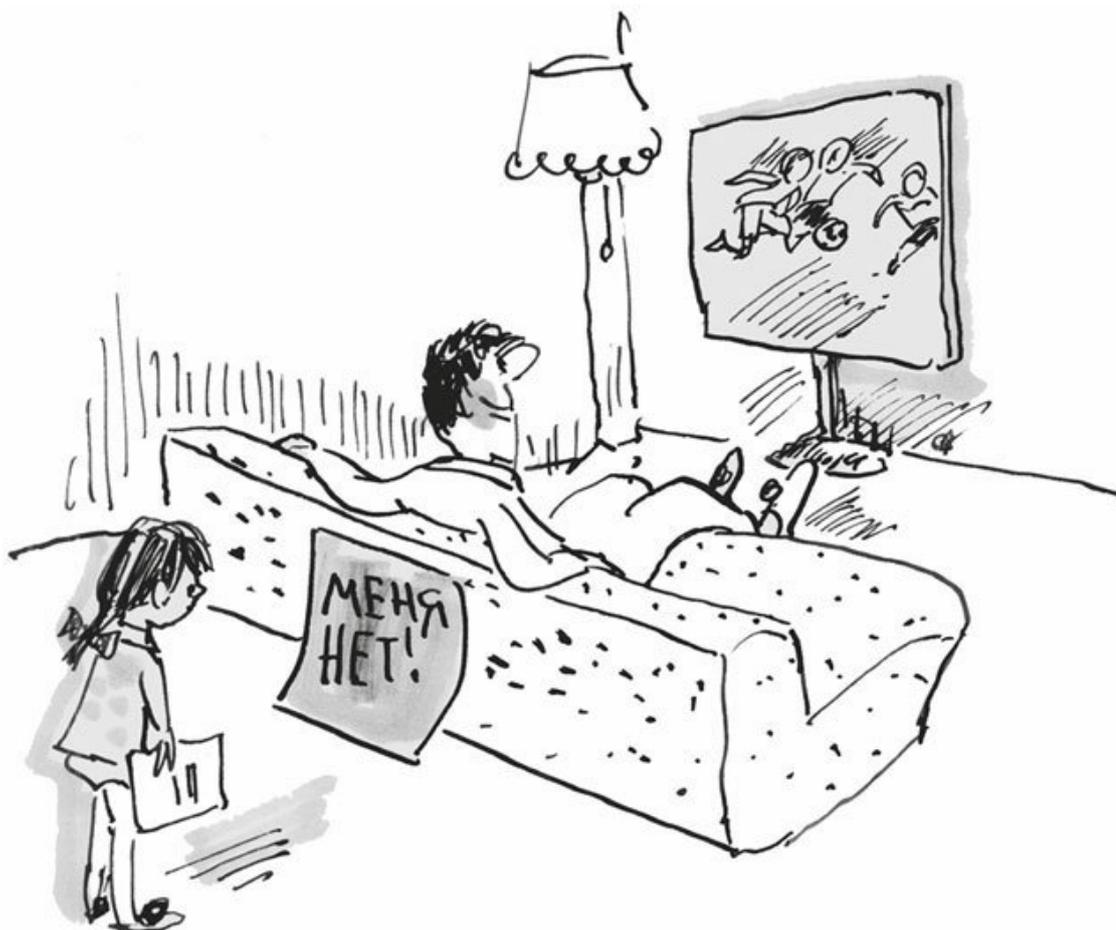
Варианты и перепевки того же сюжета – в рассказах О’Генри «Вождь краснокожих» (несносный мальчишка мучает своих же похитителей) и Аркадия Аверченко «Нянька» (малышка оказывает облагораживающее влияние на грабителя); повестях Януша Корчака «Король Матиуш Первый» (мальчик управляет страной, проводит реформы) и Натальи Соломки «Если бы я был учителем» (школьник воображает себя педагогом).

На пятки литературе наступает кино. Так, в советском приключенческом фильме «Капроновые сети» ребята мстят браконьеру: ранят его и оставляют одного умирать в лесу. В кинокартине «Деннис-мучитель» пятилетний малыш задаёт жару бродяге-преступнику. В знаменитой «Игрушке» губернёр становится забавой избалованного мальчонки. Оставшийся «Один дома» восьмилетка борется с домушниками...

Иногда «преображение» взрослых происходит с помощью волшебства. Например, в сказочной повести Александра Курляндского «Моя бабушка – ведьма» заколдованная училка французского языка гоняется за двоечником Васей Новиковым, чтобы сделать ему что-нибудь приятное...

Но почему, почему маленькие постоянно воюют с большими и всё время пытаются перетянуть на себя одеяло власти и влияния?

Прежде всего, дети недовольны тем, что взрослые слишком важничают и задирают нос. А потом сами же страдают от этого, и поделом! В повести финских писательниц Синики и Тины Нопола «Соломенная Шапочка и Войлочная Тапочка» на дверях папиной комнаты висело объявление: «Тем, кто не умеет читать, вход воспрещён». Ну, дальше всё ясно: в комнату ломился именно тот, кто читать-то как раз и не умел.

Ещё ребяташек задевает, что очень многие (не только негативные!) их поступки и высказывания часто кажутся нам странными, непонятными, неприятными.

«Из ежедневных наблюдений над сыном прокурор убедился, что у детей, как у дикарей, свои художественные воззрения и требования своеобразные, недоступные пониманию взрослых. При внимательном наблюдении, взрослому Серёжа мог показаться ненормальным. Он находил возможным и разумным рисовать людей выше домов, передавать карандашом, кроме предметов, и свои ощущения. Так, звуки оркестра он изображал в виде сферических, дымчатых пятен, свист – в виде спиральной нити... В его понятии звук тесно соприкасался с формой и цветом, так что, раскрашивая буквы, он всякий раз неизменно звук Л красил в жёлтый цвет, М – в красный, А – в чёрный...»

(А. П. Чехов «Дома»)

Переведём писательские наблюдения и художественные метафоры в реальную плоскость – и зададимся вопросом: где же находятся, где живут дети, чьё поведение кажется нам столь малопонятным?

В отсутствие собственного опыта, персональной жизненной истории, маленький ребёнок пребывает в **квазиреальности** – условном пространстве, сгенерированном воображением, фантазиями, причудливыми представлениями о мире.

По сути, эта квазиреальность есть реальность мифа. Но мифа не в позднем значении данного слова («выдумка», «заблуждение», «фикция»), а в исходном, исконном смысле: миф как универсальный образ бытия; синкретичное (цельное, нерасчленённое) представление о мире. Уже в архаической мифологии заявлена маргинальная позиция ребёнка: он пребывает между «тем» и «этим» светом, на границе сакрального (священного, иррационального) и профанного (обыденного, повседневного) пространства-времени.

«Мифы – древнее бытие: материками, морями вставляли когда-то мне мифы; в них ребёнок бродил; в них и бредил, как все: все сперва в них бродили...» – пишет Андрей

Белый в автобиографическом романе «Котик Летаев». А выдающийся русский философ Семён Франк назвал эту особенность детства «жизнечувствием» и поставил несправедливый, вполне серьёзный вопрос: «То, чем мы тогда жили, было ли только нелепым, бессмысленным заблуждением – плодом невежества и умственной беспомощности, – или мы, может быть, чуяли тогда что-то реальное, что теперь от нас ускользает?»²⁵

Эта особенность детского мировосприятия также отражена в самом языке. Два века назад бытовал ныне устаревший глагол *детствовать* – пребывать в детстве как особом состоянии и активной деятельности. А само слово *дитя* – общего происхождения с полузабытым *детинец* (внутреннее укрепление города, кремль), что акцентирует в нём смысл некоего центра, ядра, укрепленной и защищенной основы²⁶.

Причём малыш не просто *верит* в окружающие его фантомы и видения – он *находится* среди них, воспринимает их как настоящие, подлинные, всамделишные. Потому и разрушить эти стены, развеять эти грёзы, переубедить ребёнка в реальности волшебства и превращений решительно невозможно. Равно как и не нуждаются в подтверждениях колдовство и чудо. Рациональные аргументы бессильны и бессмысленны в иррациональном мире.

«...Мы рассмотрели отпечатавшиеся на снегу следы мужских сапог, которые вели к реке. По внимательном их исследовании было единогласно решено, что это следы того волшебника, который ночью вышел из реки и поселился в нашем замке. Это было так ясно, что никому и в голову не пришла самая простая мысль, именно, что волшебник ходил к реке за водой. Почему неизвестное существо, поселившееся в пустой бане, непременно волшебник, а не просто человек, – тоже было ясно, как день, и не требовало доказательств».

(Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник»)

И когда маленькие дети капризничают или шалят, они тоже находятся не «здесь и сейчас» (например, в кроватке или за обеденным столом), а, возможно, где-то очень далеко либо совсем в другом измерении (скажем, в пещере с сокровищами или на другой планете). В такие моменты ребёнок преодолевает невероятные препятствия, совершает великие подвиги и открытия, решает задачи вселенского масштаба. Отсюда, кстати, и мотив героического детства в мифологии многих народов мира²⁷.

Вот, например, каким невероятным и захватывающим приключением может быть банальное поедание клюквенного киселя.

«Это была история тяжёлой и героической борьбы кучки русских с огромной армией турок. Русские (ложка) врезаются в самую гущу турок, пробиваются до другого конца, – но сейчас же за их спиной враги смыкаются. Русские повернули опять в самую гущу. Долго тянется бой. Всё жиже становится красная гуща врагов, всё ленивее смыкается за кучкой героев. Наконец силы её истощились. Русские проносятся из конца в конец, – за ними остаются широкие белые полосы, и они уже не смыкаются. И уже русские шарят по всей долине, и захватывают, и беспощадно уничтожают жалкие остатки турок...»

(Викентий Вересаев «В юные годы»)

При этом дети с цирковой ловкостью, поистине виртуозной сноровкой умудряются управлять взрослыми. Им ничего не стоит дотянуться до нас из своего «прекрасного далёка» и заварить кашу погуще той, что стряпали незадачливые герои Николая Носова! Посмотрим, как это воплощается в литературных образах и сюжетах.

В детских произведениях очень интересен повторяющийся (т. н. бродячий) мотив «принуждения к непослушанию» с помощью вымышленного персонажа – сверхъестествен-

²⁵ Франк С. Непостижимое. М.: Правда, 1990.

²⁶ См. об этом и других интересных филологических открытиях: Нефёдова Л. К. Феномен детства в основных формах его репрезентации: философия, мир, фольклор, литература: Дис. ... доктора филос. наук. Омск, 2005.

²⁷ См., например: Неклюдов С. Ю. «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1974.

ного существа, которое заставляет ребёнка плохо себя вести, не подчиняться родителям, совершать дурные поступки.

С одной стороны, это отличный товарищ по играм, неутомимый изобретатель всяческих проказ, друг-компаньон, с которым не скучно, которому можно доверить самый страшный секрет, поделиться тем, чего никогда не расскажешь взрослым. С другой стороны, это лукавый искуситель и коварный подстрекатель, который ссорит ребят между собой и со старшими, лишает воли и самостоятельности, ставит в неловкое или опасное положение, а в самый острый момент прикидывается невинным либо вовсе исчезает. Но ненадолго, лишь на какое-то время – чтобы потом непременно вернуться и начать всё заново...

Одно из первых появлений такого персонажа в русской детской литературе – мистическая история Владимира Одоевского «Игоша». К маленькому мальчику приходит непонятное существо без ручек-ножек, безобразничает от его имени, а нянюшка с папенькой думают, будто это проделки самого малыша.

В современной детской прозе самым известным персонажем подобного рода можно назвать, наверное, всё того же Карлсона, который живёт на крыше и прилетает к Малышу, чтобы вместе бедокурить и издеваться над грозной, но недалёкой гувернанткой фрекен Бок.

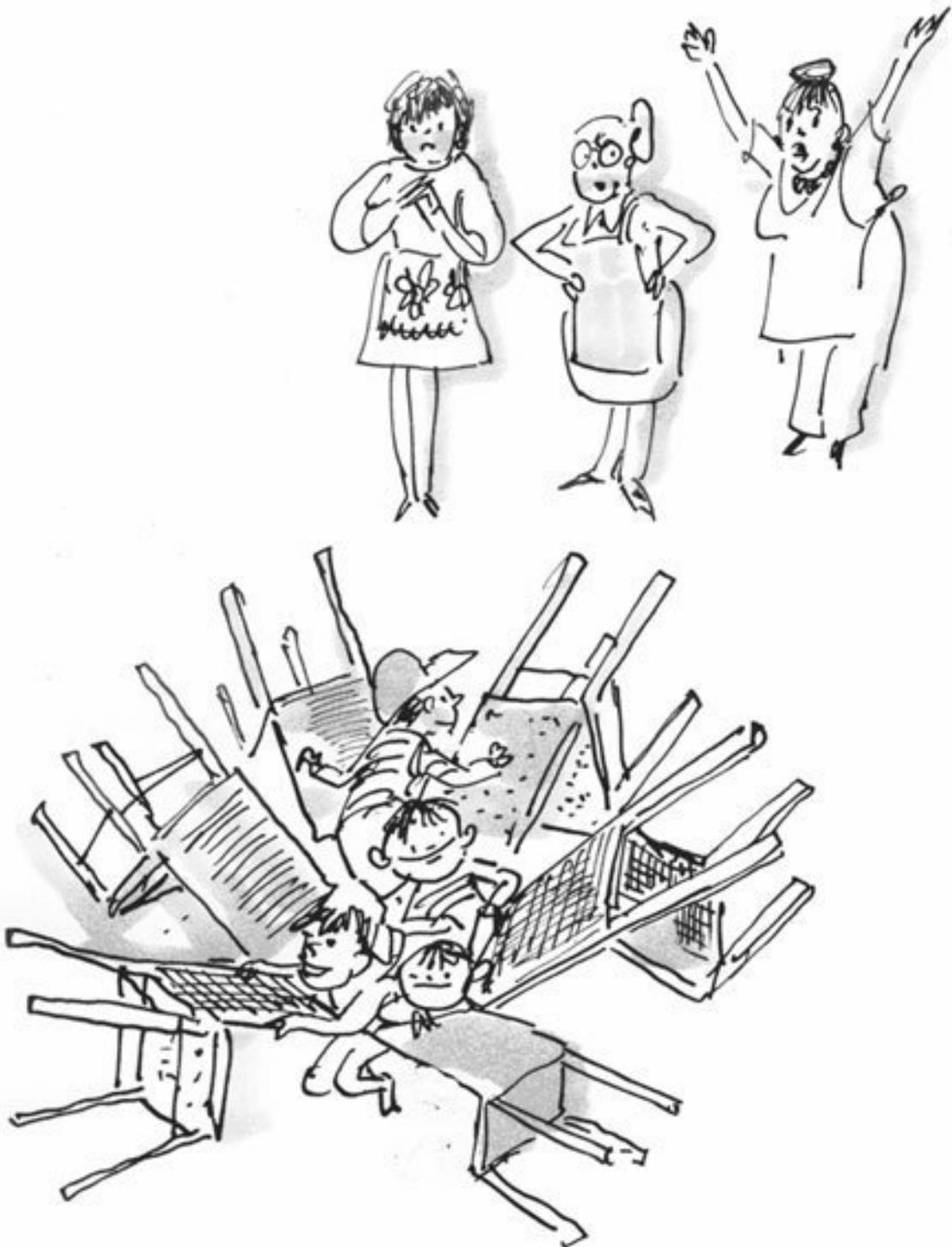
Отечественные авторы тоже неравнодушны к такому герою. Так, в сказке Софьи Прокофьевой «Упрямая морковка» к Зайке приходят два братца, Капризик и Зловредик, и подговаривают его не слушаться маму. «Что она тебе ни скажет – ты ей сразу в ответ: „Ещё чего! Отстань! Не хочу, не желаю!“»

В повести Владимира Воробьёва «Капризка – вождь ничевоков» действует «маленький человечек ростом с кошку», с грязными ручками и личиком, в надетых задом наперёд штанишках. Он постоянно подбивает маленького Павлика нарушать дисциплину и порядок: «Скажи: не хочу!.. Скажи: не буду одеваться... Плачь, плачь, дрыгай руками, дрыгай ногами. Увидишь, как здорово получится!..»

В книгах Тамары Крюковой «Алле-оп! или Тайна Чёрного ящика», «Дом вверх дном» этот персонаж называется «плутыш» и носит имя Тришка. Внешне это маленькое, беленькое и пушистое существо, с мохнатой кисточкой на хвосте, похожее «сразу на котёнка, обезьянку и озорного человечка». Из-за дружбы с Тришкой у девочки Агафы ни дня не проходит без озорства и нареканий от взрослых, которые не перестают дивиться и ужасаться её проделкам. Не мудрено, ведь они не могут видеть плутыша и даже не подозревают о его существовании...

Важная особенность поведения подобных существ – *отсутствие меры*. Они готовы творить безобразия с Прометеевой дерзостью, производительностью стахановца и энергией батарейки «Энерджайзерс». Действительно, очень многие детские проступки совершаются в состоянии сильного возбуждения и даже неистовства. При этом представление баловника об окружающей действительности расширяется до космических, поистине вселенских масштабов. «Я ширюсь! – так сказал бы младенец» (Андрей Белый).

Ребёнок стремится вовлечь в озорство множество участников, но не способен вовремя остановиться, дать себе внутреннюю команду «стоп». Его захватывает вихрь чувств и страстей, его кипучая энергия требует выхода. Он упоён своей затеей, он полностью поглощён своим занятием, будь то банальное обдирание обоев или экстремальные прыжки по крыше сарая. И многие свои «злодеяния» (на взрослом языке) или «великие подвиги» (в переводе на детский) он творит в блаженном *беспамятстве* – забывая о времени и месте, обо всех папы-маминых наставлениях и запретах.

Такому состоянию – отчаянной резвости, бесшабашности, необузданности, азарта – более всего соответствует разговорное определение *войти в раж*. Интересно, что слово «раж» происходит от лат. *gabiēs* – «бешенство». Сравним также: *безум* – диалектное название беспокойного и озорного ребёнка. И правда, озорство подчас очень похоже на кратковременное помешательство, на изменённое сознание: *войти в раж* – как войти в сон, в гипноз, в медитативный транс.

Точно так же не случайно *буйным* называют и душевнобольного, и расшалившегося малыша. А глагол *шалить* предположительно имеет родство с глаголом *шалеть* – то есть беситься, сходить с ума.

Причём очень показательно и одновременно поучительно: в одном ряду с этими словами стоят такие понятия, как *исступление*, *неистовство*, *ярость*. Очевидна прямая причинно-следственная связь: перевозбуждение, нервная горячка, накал (любых!) эмоций – верный путь к агрессии. От беззлобной шалости до злостного озорства – полшажка!

А ещё такому поведению соответствует специальное философское понятие *хюбрис* (*гибрис*), которое происходит от греч. *hubris* – «необузданность, невоздержанность, бесчинство». В античности оно обозначало персонифицированное свойство характера человека, а в современных социальных практиках используется для определения стихийных и неконтролируемых процессов. Тут же снова вспомним обожаемых ребятней «дурака» и «дуру»: это слово восходит к древнегреч. *θωροσ* – «стремительный, напористый».

Беспредельность, безмерность, безграничность – важнейшие характеристики детского поведения. При непослушании они особенно заметны.

Вновь вернёмся к вымышленным существам, которые понуждают ребёнка выкидывать разные фортели, безобразничать, не слушаться. Получается, на взрослом просторечии этих без меры озорничающих персонажей можно назвать «беспредельщиками».

Очень важно и то, как они обращаются к детям, что говорят при первой встрече. Как заправские пиарщики, они беззастенчиво себя рекламируют и сулят всяческие приятности: «Лучший в мире специалист по паровым машинам – это Карлсон, который живёт на крыше»; «Кто с нами дружит, у того сразу весёлая жизнь начинается» (Капризик и Зловредик); «Вот увидишь, как будет весело» (Капризка); «Я из кожи вон лезу, чтобы тебе жилось веселее» (Тришка). Ну и как тут устоять и сразу не задружиться?

Наконец – внимание! – для детей эти чудики абсолютно реальны, «всамделишные». Они – не плод фантазии, не ошибка зрения и никакой не сон. Они хотя и виртуальные, но вполне себе настоящие. Причём не просто *существующие*, но *вездесущие*.

Теперь нарисуем общий портрет. Виртуальные компаньоны по непослушанию, во-первых, имеют особую миссию (преобразить жизнь ребёнка, сделать её более интересной и весёлой); во-вторых, наделены даром внушения и манипулирования; в-третьих, видимы лишь детям и не доступны зрению взрослых (разве только они сами захотят показаться, как, например, Карлсон).

Но если вы наберётесь смелости (или наглости) и спросите ребёнка в лоб: «А у тебя есть кто-нибудь в этом роде?» – вам скорее всего не ответят. Кто похитрее – изобразит непонимание. Более простодушный – засмущается или заботится. Чувствительный – сочтёт грубым вторжением в свой внутренний мир и обидится.

Итак, перед нами один из кодовых литературных образов для понимания природы детства. Ему принадлежит прерогатива власти над ребёнком, на него же перекладывается ответственность за грубости, капризы, озорство. «Не может быть, чтобы я была такая плохая. Это, конечно, был кто-то другой!» – абсолютно искренне восклицает девочка Джейн из сказочной повести «Мэри Поппинс».

Известны также варианты и разновидности того же персонажа. Например, вселяющееся в ребёнка злобное существо или жестокий волшебник, превращающий хорошего малыша в плохого. Первый тип часто выводится обобщённо («Злобное существо, вселившееся в Джейн, совершенно не сочувствовало Робертсону Эй») либо действует опосредованно – через магические предметы (например, осколок дьявольского зеркала превращает доброго живого мальчика в бесчувственного истукана).

Персонажи второго типа – коварные и расчётливые колдуны. Скажем, злая жаба, которая превращала воспитанных детей в скандальных и непослушных (Евгений Шварц «Новые приключения Кота в сапогах»); волшебница Ябеда-Корябеда, по чьей воле ребяташки стано-

вились хулиганами, жадинами, лентяями (Александр Семёнов «Ябеда-Корябеда»); пакостник Одноусый, желавший сделать всех детей хвастунами, ябедами, подлизами, драчунами (Радий Полонский «Тайна страны Земляники»); злодей Шито-Крыто, намеревавшийся с помощью волшебного лекарства сделать детишек лентяями и двоечниками (Лев Давыдычев «Руки вверх, или Враг номер один»).

Наиболее обобщённо – как Верховное Божество Вредности – данный персонаж выступает под названием *Никто*. Об этом замечательно сказано у Бориса Заходера:

*Завёлся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет жителя!
Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всём
Лишь он один – НИКТО!*

Как известно, настоящие имена богов знают только «посвящённые» – жрецы, маги, шаманы. Та к и здесь: лишь дети знают, как зовут Главного Вредину, а во взрослом языке для него не имеется подходящих и точных слов, есть лишь самое абстрактное²⁸. Оттого он и неуловим, оттого и справляться с ним так тяжело.

Да уж, с помощью виртуального компаньона детишки мастерски нами управляют и помывают! Действуя через «посредника» да ещё и через «подставное лицо», они укрываются от прямого огня критики и врачуют обиды, наносимые руганью и упрёками взрослых. А заодно и втихую глумятся над нашей наивностью, и разоблачают наши воспитательные уловки.

²⁸ Подробнее см. в главе 1.

Блистательная иллюстрация – рассказ Джерома Сэлинджера «Uncle Wiggily in Connecticut» (в русском переводе «Лапа-растяпа»). Маленькая девочка придумала себе воображаемого друга Джимми Джиммирино, который вместе с ней ест, моется, спит на её кровати. Она даже ложится на самый краешек, чтобы его случайно не толкнуть. С помощью Джимми можно замечательно манипулировать мамой и добиваться желаемого.

«– Мама, можно поиграть во дворе? – спросила Рамона.

Элоиза покосилась на неё:

– Ты же только что пришла.

– Джимми хочет туда.

– Это ещё зачем?

– Саблю забыл.

– О чёрт, опять Джимми, опять эти дурацкие выдумки. Ладно. Ступай...»

Однажды Джимми «попадает под машину» – и его место занимает очередной виртуальный друг, Микки Микеранно...

Кроме того, детские уловки и ухищрения нередко строятся на манипуляциях самим языком. Излюбленный приёмчик – **буквальный перевод** речи взрослых.

«...Папа вывел Васю на улицу и сказал:

– Не стыдно тебе? Ведёшь себя, как поросёнок.

– Хрю-хрю, – весело ответил Вася. – Хрю-хрю.

Прохожие смеются. Папа сердится: неприятно ему, что его сына за поросёнка принимают.

А Вася знай себе хрюкает...»

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

Причём если совсем крохи, как двухлетний Вася, действуют ещё не вполне осознанно, то детки постарше развлекаются намеренно, а порой даже извлекают какие-то выгоды и одерживают победы. Иногда тот же приём блистательно разоблачает беспомощность нотаций и абстрактных нравоучений.

«... – А чего он первый лезет? – насупившись сказала Агата.

– Кто там к тебе лезет? – покачала головой бабушка.

– Алька. Чего он меня Агатой-не-Кристи дразнит?

– Ну и что? Пускай себе дразнит. А ты бы повернулась и ушла.

– Я и так повернулась и ушла. Я вообще не люблю, когда из носа кровь течёт, – сказала Агата.

– У тебя из носа кровь текла? – заволновалась бабушка.

– Почему у меня? У Альки. Я же говорю тебе, что он меня дразнит, – пояснила Агата».

(Тамара Крюкова «Ровно в полночь по картонным часам»)

Ещё одна фирменная детская штука – ставить условия, выдвигать требования или делать предложения, **противоречащие логике и этике**. Причём говорится всё это с самым невинным личиком и с глубочайшим чувством собственной правоты.

«Мама, если дашь конфетку, то я не выключу тебе свет, а если не дашь, то будешь купаться в темноте». (С сайта «Говорят дети»)

«Если ты мне долг – то я поеду пелый!» (Ставшие семейным преданием слова, сказанные на ледяной горке маленьким племянником моей коллеги)

Нередко в подобных случаях взрослые ловятся на удочку собственного превосходства и самодовольства. А дети – действуют по принципу «не буди лиха, пока тихо».

«– Почитаешь? – спросила она.

– Почитаю, – охотно согласился дедушка. – А ты мне что за это?

... – Я не буду твои саженцы молоком с пенками поливать...»

(Ольга Колпакова «Как Бука ушла из дома»)

В таких высказываниях имитируется взрослая форма речи (рассуждение), но наполнены они исключительно детским содержанием. Это несоответствие и есть словесный капкан: ведь внешне вроде всё убедительно, чётко, понятно.

Иногда ребячьи манипуляции действуют как **бумеранг**: маленькие обвиняют больших на основании их же властных полномочий, права повелевать и распоряжаться. В такие моменты детская мысль-речь совершает смысловое сальто или кувырок через голову: раз ты взрослый – вот и неси ответственность за ВСЁ, в том числе и за мои ошибки, промахи, неудачи...

«Бука наклонила бутылку с водой к кактусу и нечаянно укололась. Бука и без того была насупленная, а тут так рассердилась не на шутку.

– Это всё из-за тебя, бабулька! Ты мне велела цветы поливать! Вечно мне приказываешь!»

(Ольга Колпакова «Как Бука рассердилась»)

Дети управляют взрослыми и с помощью **отзеркаливания** их речи – в нужный момент умело подыгрывают, имитируют словесные штампы и клише, воспроизводят подслушанные фразы. В результате наши строгость и высокомерие сменяются растерянностью либо уми-

лением. Замечательный образчик такой стратегии – в романе Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом».

«Как-то раз мы смотрели фильм про любовь.

– Что ты смотришь? Что ты можешь тут понять?! – спросила бабушка.

Я решил что-нибудь „загнуть“ и ответил:

– Всё понимаю. Оборвалась ниточка любви.

Говоря эту фразу, знал, что „выдаю“, но не ожидал, что бабушка расплечется от умиления и целую неделю будет рассказывать потом о моих словах знакомым.

– Думала, дурачок маленький, зря пялится, а он в двух словах суть высказал. Оборвалась ниточка любви. Надо же так...

С тех пор бабушка разрешала мне смотреть допоздна даже двухсерийные фильмы, но высказывать в двух словах их суть я больше не решался».

Правда, чаще словесное отзеркаливание носит не творческий, а механический характер. Так, на стандартный упрек или нудную нотацию ребёнок отвечает формальной же отговоркой («Не знаю!»; «Я нечаянно!»), пустым обещанием («Больше не буду!») или демонстрацией непонимания («А я не понял!»). Порой это выглядит столь же комично, сколь и бесперспективно в воспитательном плане.

«– Как тебе не стыдно! Зачем ты обижаешь девочек? – спрашивала Зинаида Фёдоровна Алёшу.

– А я забыл, что нельзя, – отвечал он. – Я больше не буду.

Но на самом деле Алёша только обещал, что не будет, и всё повторялось сначала».

(Сергей Баруздин «Берегите свои косы»)

* * *

«– Ты зачем закладывал ногу на Рыжика! – негодуяще воскликнула воспитательница...

– А чего он лежит, как мёртвый! – отозвался Комаров.

– Зачем ты кидал песок в глаза товарищам?

– Кто кидал? Я его сеял. Это ветер».

(Юрий Нагибин «Комаров»)

* * *

«– Ася! – говорит ей мама по дороге домой. – Я тебе сколько раз говорила, что нельзя убежать? Почему ты опять убежала?

– Не знаю, – говорит Ася механически.

– Что мне с тобой делать?

– Не знаю, – говорит Ася искренне».

(Ирина Лукьянова «Стеклянный шарик»)

Правда, здесь возникает весьма тонкий вопрос: насколько адекватно ребёнок понимает обращённую к нему речь взрослого? В каждой подобной ситуации остаётся «зазор» между словом и смыслом: *вправду забыл, на самом деле не понял, действительно сделал нечаянно – или ловко исхитрился и вовремя «включил дурачка»?* Этот понятийный зазор – как маленькая щёлочка, сквозь которую иррациональное детство просачивается в рациональную взрослость. А ответы на такие вопросы порой возможны лишь спустя годы – проверкой служит только время...

Вот одно из ярких детских воспоминаний писателя Викентия Вересаева – «единственный случай, когда его выпороли».

«Однажды вечером папе и маме нужно было куда-то уехать. Папа позвал меня, подвёл к цветку, показал его и сказал:

– Видишь, вот цветок? Не смей не только трогать его, а и близко не подходи. Если он сломается, мне будет очень неприятно. Понял?

– Понял.

Поздно вечером они воротились, и папа сейчас же пошёл с фонарём в сад взглянуть на цветок. Цветка не было! Ничего от него не осталось, – только ямка и кучка земли.

Наутро мне допрос:

– Где цветок?

– Я его пересадил.

– Как пересадил?!

– Ты же мне вчера сам велел.

И я показал, куда пересадил. Пересадил, конечно, подрезав все корни, и цветок уже завял.

Такое явное и наглое неповиновение моё, – «ведь нарочно приводил тебя к цветку, просил!» – заставило папу преодолеть его отвращение к розге, и он высек меня.

Самого наказания, боли от него, я не помню. Но ясно помню, как после наказания сидел на кровати, захлёбываясь слезами и рёвом, охваченный ощущением огромной, чудовищной несправедливости, совершённой надо мною. Утверждаю решительно и определённо: я понял папу именно так, что он мне поручил пересадить цветок. И я очень был польщён его доверием и совершил пересадку со всею тщательностью, на какую был способен».

Столь развёрнутое описание ситуации – неспроста, не ради пустого интереса. Посмотрим повнимательнее, КАК здесь передана речь отца: его слова приводятся не дословно (позабылись за давностью лет), а как бы заново моделируются, воссоздаются повзрослевшим сыном. Большой Викентий формулирует приказ точно так же, как если бы сам отдавал его маленькому Вите. Потому-то отцовские слова и кажутся нам абсолютно ясными, недвусмысленными, не допускающими превратного истолкования.

Однако в логической цепочке оказывается пропущен целый ряд звеньев – и у нас остаётся множество недоумённых вопросов: почему мальчик не только тронул запретный цветок, но ещё и «додумался» его пересаживать? почему он воспринял запрет как повеление? что происходило в его сознании, когда он смотрел на цветок вместе с отцом и когда направлялся его выкапывать?

Но каковы бы ни были ответы на эти вопросы, ясно одно: описанный случай никак не озорство, а *расхождение речи с пониманием*. Доказательством этого служит сама *память* о нанесённой в детстве душевной ране. Хотя и отца тоже можно понять: его бурная реакция вызвана сильнейшим стрессом от вопиющего несоответствия сказанного и сделанного.

Очень похожая ситуация описана в «Детстве Тёмы» Николая Гарина-Михайловского: восьмилетний мальчуган стоит над случайно сломанным цветком, с ужасом вдумывается в безвыходность своего положения и неотвратимость наказания. Данный эпизод интересен тем, как ребёнок выходит из создавшегося положения и что за этим следует...

«...Быстро, прежде чем что-нибудь сообразить, нога мальчика решительно ступает на грядку, он хватает цветок и втискивает его в землю рядом с корнем. Для чего? Смутная надежда обмануть? Протянуть время, пока проснётся мать, объяснить ей, как всё это случилось, и тем отвлечь предстоящую грозу? Ничего ясного не соображает Тёма; он опрометью, точно его преследуют все те ведьмы и волшебники, о которых рассказывает ему по вечерам няня, убегает от злополучного места, минуя страшную теперь для него террасу, – террасу, где вдруг он может увидеть грозную фигуру отца, который, конечно,

по одному его виду сейчас же поймёт, в чём дело. Он бежит, и ноги бессознательно направляют его подальше от опасности...»

Обратим внимание: авторский вопрос «для чего?» и авторские же предположения формулируются с позиции взрослого – рациональной, прагматической, здравомыслящей. Сам ребёнок, конечно, не думает ни о чём подобном – его действиями движет лишь безотчётный страх, его поведение спонтанно и почти не мотивировано. Это те же самые беспамятство, транс, смешение чувств, что и в случаях озорства, только не инициативные, а защитные. В отсутствие подходящих мыслей и нужных слов, единственно возможным, реальным, спасительным становится *действие*: «хватает», «втискивает», «убегает».

Очень показательно и то, что это действие, в свою очередь, происходит в том же «потустороннем» антураже, в каком развёртывают мифологические и сказочные сюжеты. Упоминание ведьм и волшебников – это уже сугубо детский взгляд на ситуацию, взгляд из той самой квазиреальности, о которой говорилось в начале главы. Заметим также: одна и та же терраса выглядит для Тёмы совершенно по-разному в час забавы и в минуту отчаянья. Примечательна и уверенность мальчика в проницательности отца, равно как и в его неопровержимом праве карать и наказывать...

Наконец, зададимся вопросом: понимает ли здесь ребёнок, что поступил плохо? Безусловно. Но понимает ли он, почему именно это плохо, и сознаёт ли бессмысленность сокрытия проступка? Хочется ответить: нет. Но правильнее ответить: неизвестно. С одной стороны, аффект, замешательство, паника; но с другой – восемь лет парню. Уже не совсем маленький...

Манипулятивность детского поведения и репрессивный характер детского языка воплощается также в «железобетонной логике», которой соответствует известное латинское выражение «**кви про кво**» (qui pro quo – «кто вместо кого», «одно взамен другого»). У взрослого возникает сперва недоумение, затем непонимание, а потом и словесное бессилие. Хорошую иллюстрацию находим в романе Нелл Харпер Ли «Убить пересмешника».

«Пришёл из школы Джим и сразу спросил, что это я жую и где столько взяла. Я сказала – нашла.

– Что найдёшь, есть нельзя.

– Так ведь я не на земле нашла, а на дереве.

Джим недоверчиво хмыкнул.

– Нет, правда, – сказала я. – Вон на том дубе, который поближе к школе.

– Выплюнь сейчас же!

Я выплюнула. Всё равно в жвачке почти уже не осталось никакого вкуса.

– Я полдня её жую и ещё не умерла, меня даже не тошнит.

Джим топнул ногой.

– Ты что, не знаешь, что те деревья даже трогать нельзя? Помрёшь!

– Ты ведь тогда тронул стену!

– Это другое дело! Иди положи горло сейчас же! Слышишь?

– Не хочу, тогда весь вкус во рту пройдёт...»

Перед нами не просто строптивость, но типичнейший образец детского мышления и детской речи. Так, если для старшего брата значимо понятие «неизвестная пища» (= подозрительная, опасная, непригодная к употреблению), то для младшей сестрицы актуально понятие «известное место» (= вызывающее доверие ко всему, что там находится). В детской головке моментально выстраивается (псевдо) логическая цепочка: жвачка обнаружена не на земле, а на дереве – дерево растёт неподалёку от школы, а не где-то далеко – значит, можно жевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.